

© 1996 г. В. ЖИВОВ, Г. КАЙПЕРТ

О МЕСТЕ ГРАММАТИКИ И.-В. ПАУСА В РАЗВИТИИ РУССКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ РУССКОГО И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО

1. Грамматика И.-В. Пауса была написана в окончательном виде в конце 1720-х годов, т.е. в тот период, когда филологи, работавшие в Академии наук, наиболее активным образом трудились над созданием нормативной грамматики русского языка. Создание грамматики рассматривалось как необходимое условие устройства литературного языка и – далее – приобщения к европейской гуманитарной культуре. Согласно программе, которую В.К. Тредиаковский излагал перед Российским собранием при Академии в 1735 г., оно должно было позаботиться "и о Грамматике доброй и исправной, согласной мудрых употреблению и основанной на оном, в которой коль много есть нужды, толь много есть и трудности" [Тредиаковский 1735: 6–7; 1935: 327–328].

Одна из основных трудностей, тяготивших строителей нового литературного языка, состояла в размежевании русского и церковнославянского, потому что только в этом случае мог образоваться самостоятельный национальный язык, схожий с новыми литературными языками Европы – церковнославянский при этом воспринимался по аналогии с латынью, и процесс эмансипации русского от церковнославянского должен был идти по тому же пути, по которому следовали французский и итальянский, освобождаясь от латинского наследия. Российское собрание должно было действовать здесь по хорошо известным в Европе образцам Флорентийской Академии, Французской Академии и Лейпцигского собрания, на которые ссылается Тредиаковский в своей речи. На путях европеизации эти образцы следовало повторить и России. Попытки выполнить эту задачу начались в Академии еще до возникновения Российского собрания. Грамматику русского языка пишет в 1731 г. М. Шванвигт со своими пока неизвестными сотрудниками, в приложении к Вейсманову лексикону в том же году публикуется грамматический очерк русского языка, приписываемый В.Е. Адодурову. Грамматические труды И.-В. Пауса непосредственно предшествуют этим опытам и не могли не оказать на них определенного влияния.

В истории русской филологии фигура И.-В. Пауса достаточно заметна. Его ямбические стихи, написанные в развитие традиции, заложенной его коллегой и отчасти учителем пастором И.Э. Глюком, были в свое время исследованы В.Н. Перетцом, одновременно изучившим относящиеся к И.-В. Паусу биографические материалы и опубликовавшим ряд документов [Перетц 1902: 142–297]. Его грамматике, однако, не посчастливилось. Паус представил ее в Академию наук 10 декабря 1729 г. с просьбой переписать и вернуть оригинал [Материалы АН, I: 592]. Не ясно, была ли сделана полная беловая копия (в Архиве Академии наук сохранились лишь первые листы переписанного набело экземпляра – Разряд III, № 332), однако печатать эту грамматику Академия отказалась. После смерти Пауса в 1735 г. черновая рукопись грамматики попала в Библиотеку Академии, в которой она и хранится по сей день (Библиотека Академии наук. Собр. иностранных рукописей (далее БАН), Q 192). В 1950-е годы грамматикой Пауса занимался, по сообщению Э. Винтера [Winter 1958: 749], И. Тетцнер, однако наши старания найти какие-либо следы его работы не принесли результатов. В 1960-е годы попытка опубликовать эту рукопись была пред-

принята Д.Е. Михальчи, однако издание не состоялось. В результате появился лишь ряд статей Д.Е. Михальчи, посвященных этой грамматике [Михальчи 1964; 1968; 1969], и его докторская диссертация "Славяно-русская грамматика Иоганна Вернера Пауса" [Михальчи 1969а], в которой основное место занимала публикация текста грамматики. Поскольку рукопись Пауса представляет существенные трудности для чтения, публикация Д.Е. Михальчи содержит множество неразобранных слов, неправильных чтений, поставленных не на место дополнений и примечаний. Тем не менее это издание (в четырех экземплярах) дает достаточное представление о труде И.-В. Пауса; в наших предварительных наблюдениях мы пользовались именно им, все наши ссылки относятся к этой, несовершенной, к сожалению, публикации и могут воспроизводить ошибки, допущенные публикатором (поэтому, между прочим, мы, как правило, пересказываем, а не цитируем текст Пауса).

Незадачливая судьба грамматики Пауса от времени ее создания до наших дней обусловлена тем, как ее автор решает задачу размежевания русского и церковнославянского, которая выше была определена нами как основная для начального периода языкового строительства. Грамматика Пауса названа и по существу является славяно-русской, т.е. содержит как описание русского, так и описание церковнославянского языка, ее полное наименование – "Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache zum Nutzen Sonderl. der deutschen Nation aufgesetzt". В принципе, такое совмещение отнюдь не является бессмысленным, и в позднейшее время грамматика этого типа могла найти своего издателя (ср. "Граматику руководствующую к познанию Славенороссийского языка" Аполлоса Байбакова – [Байбаков 1794]). В 1720-х годах, однако, подобное соединение могло восприниматься как одиозное, так что попытки Пауса опубликовать грамматику наталкиваются на сопротивление его коллег по Академии.

В предисловии к грамматике И.-В. Паус недоумевает, почему "die Rußen keine solche Grammatic annehmen wolten da sie doch sonst die slavonische aestimiren", хотя, на его взгляд, "zwey ~~языки~~ können jawohl brüder u[nd] 2. Sprachen Schwester[n] werden" (БАН, Q 192, л. 3об – в дальнейшем все ссылки на текст грамматики Пауса даются по данной рукописи – как она воспроизводится в публикации Д.Е. Михальчи – и ограничиваются указанием листа). В контексте петровской языковой политики, главным моментом которой было утверждение противостояния "славянского" и "простого русского" (ср. [Живов 1990: 14–28]), опыты синтетического описания могли рассматриваться как вызов господствующей идеологической установке. Поскольку академические филологи исходили из этой установки, труд Пауса естественным образом наталкивался на их неодобрение, предрешившее его судьбу. Паус жалуется на их вмешательство и преследования в предисловии к самой грамматике (л. 4об); в нем упомянут некий переводчик (Translateur – скорее всего М. Шванвиц или В.Е. Адодуров), который не знает "aus dem fundament" ни немецкого, ни русского, но при этом вмешивается в оценку грамматики. Жалобы на Адодурова содержатся и в "Observationes", поданных Паусом в Академию наук в 1732 г.; в них перечисляются ученые заслуги автора и говорится о несправедливом с ним обращении [Winter 1958: 755, 761–762]¹.

По существу теми же соображениями руководствуются – спустя почти три столетия – Б.А. Успенский, исключая сочинение Пауса из числа доломоновских грамматик русского языка, или Е.Э. Бабаева и Н.Н. Запольская, полагающие, что в грамматике Пауса рассматриваются "два языка, соответствующие в сознании автора одному

¹ В предисловии к грамматике (л. 4об) упомянут и некий архиерей, который не имеет права быть судьей грамматического труда Пауса. Можно предположить, что имеется в виду Феофан Прокопович, приверженность которого петровским культурным (в том числе и лингвистическим) установкам хорошо известна (см. о позиции Прокоповича в отношении церковнославянского и русского языков: [Успенский 1985: 121–126]). Борьба по вопросам языка может здесь накладываться, как и во многих других случаях, на политическое противостояние: Паус был связан с Долгорукими, которые в конце 1720-х годов были противниками Прокоповича.

объекту" [Бабаева, Запольская 1993: 197]. Определяя состав русской грамматической традиции, В.А. Успенский включает в нее лишь те труды, в которых описывается "язык, так или иначе – эксплицитно или имплицитно – противопоставляемый в языковом сознании языку церковнославянскому (независимо от того, что понимается под церковнославянским языком)"; поэтому, по его мнению, "мы вправе говорить об описании русского языка лишь в том случае, если автор описания исходит из такого противопоставления" [Успенский 1992: 65]. Поскольку же в грамматике Пауса "описываются одновременно оба языка – как русский, так и церковнославянский" [там же: 132], эта грамматика из доломоновской традиции выпадает – вместе со всеми проблемами, связанными с ее влиянием на эту традицию, ее местом в формировании методов описания языка, лингвистической терминологии и, наконец, представлений о соотношении русского и церковнославянского². Как это нередко случается, предубеждения более удачливой стороны (в нашем случае Шванвича и Адодурова) определяют последующую рецепцию трудов и дел стороны потерпевшей.

2. Паус, действительно, описывает русский и церковнославянский в рамках одной грамматики. Это, однако, не означает, что он не противопоставляет два этих языка или (что было бы совсем странно для немецкого автора) отождествляет их в своем языковом сознании. Паус исходит из противопоставления русского и церковнославянского фактически не в меньшей степени, чем Лудольф, Глюк или Адодуров. Более того, в работе Пауса дается наиболее полный перечень признаков, противопоставляющих два языка, – более обширный, чем у Лудольфа, Поликарпова, Соје или того же Адодурова. Во многих случаях Паус мог использовать и действительно использовал результаты своих предшественников. Он несомненно знал грамматику Лудольфа (неоднократные ссылки на нее имеются в тексте грамматики) и Глюка (сохранился фрагмент этой грамматики, переписанный Паусом – БАН, Q 121 (см. [Glück 1994: 15]). Знакомство с трактатами Поликарпова, в частности, с его "Технологией" (РНБ, НРСК F 1921.60), кажется маловероятным (ср. сноску 12), хотя полностью исключить такую возможность нельзя (равно как и возможность прямых контактов с Поликарповым и научных дискуссий с ним). Грамматику Соје Паус знать не мог, но она и не вносила почти ничего нового в набор оппозиций, представленный у Лудольфа. Обращение к предшествующей традиции могло иметь место в двух формах: либо в форме прямого заимствования сделанных предшественниками утверждений, либо косвенным образом, путем сопоставления приводимых ими парадигм с парадигмами Смотрицкого, грамматика которого также была одним из основных пособий Пауса и воспринималась им как нормативный источник сведений о церковнославянском языке, т.е. как исходный материал для сопоставления церковнославянского с русским.

Основной перечень, следующий за вопросом о том, "как русские в своем диалекте изменяют славянские слова" (л. 22об), представляет собой по большей части амплифицированную переработку списка Лудольфа. Предваряя перечень, Паус перечисляет способы, при помощи которых "славянские" слова изменяются в "русские", – речь идет о тех формальных преобразованиях (вставке или отбрасывании или замене буквы), в терминах которых грамматисты XVIII в. (включая Адодурова и Ломоносова) мыслили подобные процессы. К этим способам относятся: 1) вставка буквы в первом слоге или его удвоение посредством *e* или *o*, что частью имеет место в начале слова, когда оно начинается двумя согласными; 2) замена букв, как например, *e* и *o*, *o* и *a*, *v* и *g*, *иваю* и *ую*; 3) добавление или протеза; 4) отбрасывание конечной буквы или апокопа; 5) пропуск срединной буквы или синкопа; 6) перемена целого слова (л. 22об).

Далее следует список, иллюстрирующий эти способы. Он содержит:

(1) два десятка примеров неполногласных и полногласных основ, включая формы с приставками *пре-* и *пере-* (*преводъ* – *переводъ*, *преписати* – *переписати*, "равно и в

² О грамматике Пауса упоминает и В.А. Ольховиков, указывая, что в ней описывается «"смешанный" язык: древнерусский и русский». Автор, впрочем, справедливо замечает, что Паус "различал эти два языка" [Ольховиков 1985: 155].

других с *пре*" – л. 23) и, поскольку соотношение трактуется формально, *дска* – *доска*. Это расхождение отмечено и Лудольфом [Ludolf 1696: 4];

(2) соответствия с *е* и *о*; Паус повторяет примеры Лудольфа *единъ* – *одинъ*, *езеро* – *озеро*, *есень* – *осень* (ср. Там же), но добавляет к ним *учень* – *учонъ*, *Кіевъ* – *Кіовъ* (л. 23об);

(3) оппозиции типа *такого* – *таково*, *нощъ* – *ночь*, которые также восходят к Лудольфу [Ludolf 1696: 5], но у Пауса проиллюстрированы дополнительными примерами.

Затем идут оппозиции, у Лудольфа отсутствующие. Сюда относятся:

(4) лексемы с *ра-* – *ро-* (*равно* – *ровно*, *разно* – *розно*) и образования с приставками *раз* – *роз*;

(5) определяемые в качестве русизмов вторичные имперфективы (*скаую* – *сказываю*);

(6) формы с протетическим *в*, противопоставленные формам без протезы (*очимъ* – *вочимъ*, *осмъ* – *восмъ* и др.);

(7) формы инфинитива с безударным *-и* поставлены в оппозицию формам с апокопой конечной гласной (*быти*, *бити*, *дати*, *писати* – *быть*, *бить*, *дать*, *писать*) (см. ниже, № 52);

(8) аналогичное противопоставление устанавливается для форм 2 л. презенса (*читаети*, *хочещи* – *читаешь*, *хочешь*), прецедент такой трактовки имеется в "Технологии" Ф. Поликарпова 1725 г.: в "великороссийской" парадигме, контрастирующей со "славенской", даются только формы с *-шь* [Успенский 1994: 111] (ср. № 51);

(9) как относящиеся к противопоставлению языков трактуются различия в числительных (*седмъ* – *семь*, *двадесать* – *двацать*, *тридесать* – *трицать*), образуемые синкопой.

После этого Паус переходит к лексическим оппозициям, т.е. оппозициям, образуемым переменной целого слова. Сюда включаются:

(10) личные местоимения (*азъ* – *я*, *ми* – *мнѣ*, *мя* – *меня*), список носит выборочный характер, поскольку в существенно более полном виде он дается в разделе, посвященном местоимениям (см. №№ 36–41);

(11) повторяются примеры, приводимые Лудольфом [Ludolf 1696: 5]: *днесъ* – *сегодня*, *выну* – *всегда*, *глаголю* – *говорю*, *реклъ* – *говорилъ* (у Лудольфа – *сказал*), *тунѣ* – *даром* (л. 23об – 24)³;

(12) они дополнены рядом собственных примеров: *унѣ* – *лучше*, *лѣгчѣ*, *гряду* – *иду*, *хожю*, *приду*, *рабѣ* – *слуга*, *рабыня* – *служанка*, *око* – *глазъ*, *перстѣ* – *палецъ*, *иже* – *которои*, *кои*, *блгъ* – *добръ*, *хорошъ*, *чермно* – *красно*, *міръ* – *свѣтъ*, *путь* – *дорога*, *подобно* – *равно*, *буто*, *потребно* – *надобно* (л. 24).

Паус не дает этот список как исчерпывающий. Напротив, в конце перечисления он замечает, что отличия русского от церковнославянского "в акциденциях" (т.е. в грамматических показателях) будут показаны при рассмотрении частей речи, а в качестве примеров таких отличий приводит в склонении изменение согласных *к* и *г* (т.е. формы типа *руцѣ* – *рукѣ*) и *го* – *во* в генетиве, а в спряжении славянские претериты на *-хъ* vs. русские на *-лъ* (л. 24). Эти грамматические показатели указаны и у Лудольфа [Ludolf 1696: 4–5], что и объясняет упоминание о них при перечислении отличий русского от церковнославянского, самим своим положением в тексте повторяющим Лудольфа.

³ Единственная лексическая оппозиция, имеющаяся у Лудольфа и отсутствующая у Пауса, это *истина* – *правда* [Ludolf 1696: 5]. Можно предположить, что Паус сознательно ее исключает, поскольку его наблюдения над церковнославянским опираются (если они не почерпнуты из Смотрицкого) на экскерпирование славянского перевода Библии. При обращении к этому тексту, который он рассматривает как эталон церковнославянского, Паус не мог не заметить, что лексема *правда* постоянно в нем встречается.

Различия между русским и церковнославянским регулярно упоминаются во всех разделах морфологического описания "славяно-русского" языка. Так, при описании категорий имени говорится о том, что

(13) в славянском постоянно употребляется дв. число, тогда как в русском его употребление ограничено словосочетаниями, в которых имя согласуется с числительным *два, двѣ* (л. 42, 44). Формы дуалиса употребляются, однако, вместо плюралиса и после числительных *три* и *четыре* (*три года, четыре года*). Формулировки Пауса однозначно указывают на источник – грамматику Лудольфа [Ludolf 1696: 12–13], отличие состоит лишь в примерах (у Лудольфа – *два попа, три попа, четыре попа*). Дв. число как категория, противопоставляющая русский и церковнославянский, указывалась и в других предваряющих Пауса описаниях – у Глюка [Glück 1994: 238] и Поликарпова [Успенский 1994: 110].

(14) Сходным образом трактуется и категория превосходной степени прилагательных. Образование превосходной степени в славянском описывается как добавление *ѣй* и *ай* в форму сравнительной степени (*святѣйшій – святѣйшій*), и трактовка, и пример совпадают с Лудольфом [Ludolf 1696: 20]. Для русского вместо этого указывается образование с помощью "местоимения" *само*, слова *всѣхъ* или деминутива. Паус приводит примеры: "*самочисто oder чистохинко ganzt rein, самодобръ sehr gut... самолучше am besten*", а для конструкций со *всѣхъ* пример *Москва болии всехъ город на Русіе* с прямой ссылкой на Лудольфа (л. 34–34об). Русская превосходная степень явно оказывается камнем преткновения, и Паус комбинирует разные решения: конструкцию со *всѣхъ*, взятую у Лудольфа, образования с *само*, заимствованные у Глюка (который дает их как вариант к конструкции со *всѣхъ* – [Glück 1994: 232]) и деминутив в качестве собственного изобретения. У Поликарпова в этой же функции выступают конструкции с *очунь* [Успенский 1994: 110], но Паус их не использует.

Многочисленные замечания о различиях славянского и русского делаются при описании склонения существительных. Указываются следующие признаки, противопоставляющие русский и церковнославянский:

(15) в русском, в отличие от славянского, вокатив совпадает с номинативом не только во множественном, но и в ед. числе, кроме слов *Господи, Боже* и других "священных" (*sacris*) наименований, связанных с религией (лл. 44, 45об, 48об). Формулировка и здесь ясно указывает на источник, а именно на грамматику Лудольфа, в которой говорится, что "*in vulgari dialecto Vocativus similis sit Nominativo, nonnunquam tamen Vocativum Slavonicum eos retinere, quod fieri solet in rebus spectantibus ad religionem*", единственный пример: *Боже* [Ludolf 1696: 15]. Вокатив (за немногими исключениями) дается как омоним номинатива в грамматике Глюка [Glück 1994: 72–74], а замечание об этой омонимии как признаке русского языка содержится у Поликарпова [Успенский 1994: 110].

(16) В парадигме слова *судіа* противопоставляются формы дат. ед. *судіи*, им. и зв. мн. *судіи*, род. мн. *судіи*, вин. мн. *судіи*, русским формам с флексиями *-ѣ, -е, -ей, -еи* (л. 47). Парадигма этого слова есть и у Смотрицкого [Смотрицкий 1619: л. Д/5–5об; Смотрицкий 1648: л. 102об – 103; Смотрицкий 1721: л. 37–37об], и у Глюка [Glück 1994: 56, 183], видимо, отталкивавшегося от Смотрицкого. Замечания Пауса могут быть результатом сопоставления этих двух парадигм, за исключением не поддающейся объяснению формы им. мн. *судіе*. Варианты с этими флексиями (кроме аномальной флексии им.-зв.мн.) приводятся и в других парадигмах мягкой разновидности (л. 47) и, видимо, также должны интерпретироваться как относящиеся к двум разным языкам.

(17) Отмечается, что у одушевленных существительных м. рода аккузатив равен генитиву, для ед. числа это рассматривается как общая норма (в качестве исключения приводится цитата из Ин. XX, 22: *примите дхъ сѣтъ*), тогда как для мн. числа указывается, что в славянском это не всегда имеет место (л. 48). Трактовку синкре-

тизма аккузатива и генитива во мн. числе как "русизма" находим и у Поликарпова [Успенский 1994: 110].

(18) Говорится, что в славянском, в отличие от русского, у существительных, кончающихся на *г*, *к* и *х*, эти буквы переходят в ряде падежей (местн. ед., им., зват., местн. мн.) в *з*, *ц* и *с* (л. 48об). В качестве "славянизма" это чередование трактуется и у Лудольфа [Ludolf 1696: 4], и у Поликарпова [Успенский 1994: 110].

(19) Указывается, что окончание тв.ед. *-емъ* в русском произносится как *-омъ* (лицемъ как *лицомъ* – л. 48об). В предшествующей традиции это наблюдение прецедента не имеет.

(20) Паус первым интерпретирует в качестве "русизма" окончание *-амъ* в дат. мн. *о*-склонения у существительных м. рода, противопоставляя его "славянскому" окончанию *-омъ* (л. 49)⁴.

(21) Аналогичным образом указывается, что в местн. мн. существительных *о*-склонения в славянском употребляются окончания *-ехъ* и *-ѣхъ*, тогда как русские по большей части говорят *-ахъ* (л. 49). В этом случае, как и в предшествующем, Паус мог исходить из сопоставления парадигм Смотрицкого (как образцов "славянского") и Глюка (как образцов "русского"; о Глюке см.: [Glück 1994: 74–76]). Характерно, что здесь Паус явно отступает от Лудольфа, который в дат. мн. дает только *-омъ*, а в местн. мн. – только *-ехъ* [Ludolf 1696: 16–18]. В тв. мн. Паус также по большей части фиксирует окончание *-ами*, а не *-ы*, однако это различие во флексиях тв. мн. как оппозицию русского и славянского не трактует; можно думать, что причина этого в широком использовании флексии *-ами* в парадигмах Смотрицкого [ср.: Horbatsch 1964: 20; Смотрицкий 1721: л. 40 и сл.]; Паус закономерно полагает, что *-ами* свойственно не только русскому, но и славянскому.

(22) Согласно Паусу, у существительных м. рода *і*-склонения (четвертое склонение у Пауса) в славянском окончание род. ед. *-е*, им. мн. *-іе* (*дне, дніе*), в русском – *-я, -и* (*дня, дни*) (л. 55). Для им. мн. отмечены и другие оппозиции: *князи s. ie, свидѣтели s. ie*, а также *людіе – R. [т.е. ruthenice] люди* (л. 56об). Здесь Паус вполне самостоятелен.

(23) В местн. ед. четвертого склонения "славянскому" окончанию *-и* соответствует "русское" *-ѣ* (Objectivus hat ruthenice mehr *ѣ* als *и* – л. 55об). Паус мог сделать этот вывод, сопоставляя парадигмы Смотрицкого (некоторые из парадигм Смотрицкого он воспроизводит) и Глюка (который, впрочем, не различает *ѣ* и *е* и в местн. мн. дает *-е*). В парадигме слова *князь* отмечено *князь S. и* (л. 56об), аналогичные варианты, хотя и без квалификации, даются и в других парадигмах. Вывод Пауса остается оригинальным.

(24) В качестве славянской в парадигме *царь* дается форма дат. ед. *цареви* – наряду с формой *царю*, которая никак не характеризуется (л. 56об).

(25) Указывается, что в славянском собирательное от *господинъ* *gospodie*, а в русском *господи* или (согласно употреблению) *господа* (л. 56). И это различие в предшествующей традиции неизвестно. Паус кроме того добавляет, что "im Slav. *gospodъ* auch von Menschen gesagt wird, vid. Ioh. XII, 21" (Там же)⁵.

⁴ Паус фиксирует эту оппозицию только для существительных м. рода, тогда как для существительных ср. рода считает, что флексия *-амъ* свойственная и русскому и церковнославянскому. Он может при этом ориентироваться на грамматику Смотрицкого, в которой данная флексия дается в качестве варианта при ряде существительных ср. рода (ср. [Horbatsch 1964: 19; Смотрицкий 1648: л. 112об; Смотрицкий 1721: л. 45об]), так и на языковую практику: в некоторых церковнославянских текстах XVII – начала XVIII в. флексия *-амъ* у существительных ср. рода представлена в значительной пропорции (ср. [Живов 1993: 106]).

⁵ В одной из маргиналий Паус указывает также, что в склонении слов типа *знамение* род. мн. в собственно русском может быть *на-евъ* и приводит пример *кушаніевъ* (л. 57об). Согласно Паусу это делается отчасти ради различения (видимо, с местн. ед.), отчасти же из-за невежества. Данный вариант трактуется, таким образом, как вульгарный.

(26) В качестве эквивалента славянских форм *vravii* (sic!) и *mrvavii* у Пауса выступают русские *воровей* и *моравей* (л. 57). Использование этих примеров восходит к Смотрицкому [Смотрицкий 1619: л. S/7об–8; 1648: л. 126об–127; 1721: л. 62–62об], а русский коррелят *моравей* мог быть в принципе почерпнут из Лудольфа [Ludolf 1696: 18]. Их противопоставление, однако, принадлежит Паусу.

(27) В парадигмах склонения на *-er-* славянским *матерь*, *мати*, *дици* соответствует русское *мать*, *дочь*, причем у существительных в славянском окончание род. ед. *-e*, а в русском часто *-и*, в дат. ед. в славянском *-и*, в русском *-ѣ* (л. 59). И в этом случае Паус мог воспользоваться сопоставлением парадигм Смотрицкого [Смотрицкий 1648: л. 121–122; 1721: л. 46–46об] и Глюка (см. [Glück 1994: 77, 79, 187, 225]), однако у Глюка в дат. ед. даются формы *матери*, *дочере*, так что Паус и здесь самостоятелен.

Не менее тщательно зафиксированы различия в склонении прилагательных, при этом говорится, что, несмотря на различия, сходства в славянском и русском склонении достаточно многочисленны, чтобы в рамках одной парадигмы отметить славянские варианты буквой *S*, а русские – буквой *R* (л. 60). В таблице окончаний последовательно этого не сделано, однако в тексте необходимые указания приводятся.

(28) В качестве общего указания говорится о том, что в славянском при склонении прилагательных имеет место чередование заднеязычных со свистящими и шипящими (л. 60), которое отсутствует в русском языке. Чередование со свистящими отмечается в местн. ед., им., зват. и местн. мн. прилагательных м. рода, в местн. ед. прилагательных ж. и ср. рода; в зват. ед. м. рода заднеязычные чередуются с шипящими. В качестве примера Паус приводит *блѣомъ*, *блѣѣмъ*, *блѣѣ*, *блѣже*. Это указание повторяет сделанное при описании склонения существительных (см. № 18) и может рассматриваться как разработка замечаний, встречающихся у Лудольфа и Поликарпова.

(29) Относительно окончаний род. ед. и вин. ед. м. (и ср.) рода указывается, что форма этих падежей "*variirt ruthenice sehr*" и в качестве вариантов приводятся *огш*, *ово*, *ова* (л. 60) – в парадигме склонения прилагательного *добрый*, восходящей, видимо, к Глюку [Glück 1994: 230], в вин. ед. м. рода дается форма *добраго*, а в род. ед. ср. рода *добрагш*, что имплицитно устанавливает оппозицию русск. *-огш*, *-ово* и т.д. и слав. *-аго* (л. 61; правда, в род. ед. м. рода приведена форма *добровш*). Противопоставление могло быть выведено из сопоставления парадигм Смотрицкого и Лудольфа, однако именно Паус отмечает вариативность русских окончаний, а различие между русским и славянским проводит по первой гласной окончания (у Лудольфа – [Ludolf 1696: 5] – слав. *-го* противостоит русск. *-во*).

(30) Указывается, что в русском у прилагательных ж. рода окончание род. ед. часто замещается окончанием дат. ед. (т.е. *-ой*, *-ей*) или славянское окончание *-ыя/-ия* изменяется в *-ые*, как в *блѣнные памяти* (л. 60). Оппозиция *-ыя* – *-ой* могла быть выведена из сопоставления парадигм Смотрицкого и Лудольфа (но не Глюка), хотя формулировка, описывающая особенность русской парадигмы как замещение флексии род. ед. флексией дат. ед. ближайшим образом напоминает формулировку Поликарпова [Успенский 1994: 110]. Наблюдение о возможности замены *-ыя* на *-ые* полностью оригинально и, видимо, отражает работу Пауса с текстами, в частности, с приказными текстами, для которых характерна флексия *-ые*⁶.

(31) Отмечено, что в им.-вин. мн. ч. ср. рода в русском часто употребляется окончание *-ие* или *-ые* (л. 60об), тогда как в парадигме прилагательного *добрый* (равно как и в таблице) приводится флексия *-ая* (л. 61–61об). Противопоставление этих флексий не имеет прецедента и не могло быть получено сопоставлением парадигм, поскольку и

⁶ Одним из основных источников для выявления особенностей русского языка служило Паусу Уложение 1649 г., из которого он с этой целью делал выписки (реализуя, возможно, указание Лудольфа на то, что Уложение написано "*vulgarī dialecto*" – [Ludolf 1696: fol. A^v]). Отметим, что в Уложении 1649 г. флексия *-ые* в род. ед. ж. рода широко представлена, однако как раз приводимое в грамматике словосочетание встречается в форме *блѣнные памяти* [Уложение 1987: 17], т.е. не с тем окончанием, которое дает Паус.

у Лудольфа, и у Глюка в качестве окончаний им.-вин. мн. ср. рода приводится *-а* или *-ая*⁷.

(32) В парадигме прилагательного *добрый* в им. ед. м. рода окончание *-ой* дается с пометой *R* (русское), окончание *-ый* – с пометой *S* (славянское). Паус первым вводит это противопоставление; он мог при этом опираться на сравнение парадигм у Смотрицкого и Глюка или Лудольфа: Глюк дает в качестве вариантов *доброй* и *добрый* [Glück 1994: 230], Лудольф фиксирует только окончание *-ой* [Ludolf 1696: 19].

(33) В склонении числительных противопоставлена славянская парадигма *единъ* и русская *одинъ* (л. 62об); эта оппозиция восходит к Лудольфу, упоминалась в общем перечне различий русского и славянского (см. № 2) и сама по себе могла бы быть оставлена здесь без внимания. Большая часть различий во флексиях парадигм *единъ* и *одинъ* также повторяет уже рассматривавшиеся в склонении прилагательных оппозиции, например: *единачъ – одново, единыя – однои, единъи – однои, единаго – одново, единъмъ – однимъ, единъмъ, омъ – одномъ*. Не находит соответствия в предшествующем материале то обстоятельство, что в парадигме *единъ* в косвенных падежах даются и полные и краткие формы, тогда как в парадигме *одинъ* – только полные формы. Краткие формы в косвенных падежах выступают тем самым как специфическая принадлежность славянского. Одновременная фиксация кратких и полных форм в парадигме *единъ* повторяет (с рядом исправлений и уточнений, отражающих, видимо, работу с церковнославянскими текстами) Глюка [Glück 1994: 241], однако конфронтация этой парадигмы с парадигмой числительного *одинъ* и возникающая отсюда оппозиция являются самостоятельным наблюдением Пауса.

(34) Две парадигмы – славянская и русская – приводятся и для числительных *два* и *три* (*трие*) (л. 63). В обоих случаях отправной точкой для Пауса служит, видимо, Глюк [Glück 1994: 241–242]. Ту дублетность, которую вносят в свои парадигмы Глюк, соединяя известное ему (Глюку) употребление с парадигмами Смотрицкого, Паус трактует как различие между русским и славянским. От Смотрицкого к Глюку переходит трактовка парадигмы *два* как форм дв. числа с свойственным дуализу синкретизмом им.-вин.-зв., род.-местн., дат.-тв. и с формами – соответственно – *два* (*дѣѣ*), *двою* (*дѣѣю*), *дѣѣма* [Смотрицкий 1619: л. К/2–3об; 1648: л. 154–155; 1721: л. 86–87]. Эту парадигму Паус дает как славянскую, противопоставляя ей русскую с формами *двухъ, двумъ и двумя*. Славянская и русская парадигма числительного *три* различаются основами. В славянской основой является *три* и от нее образуются формы *трие, триехъ, триемъ*; этим формам противопоставлены русские *три, трехъ, тремъ*. Паус, таким образом, реинтерпретирует искусственное противопоставление Смотрицкого (*три* и так далее в ж. и ср. роде, *трие* в м. роде [Смотрицкий 1619: л. К/2–3об; 1648: л. 154–155; 1721: л. 86–87]) как оппозицию двух языков, и это отличает его решение от решения Глюка.

(35) Говорятся и о нескольких других частных отличиях. Согласно Паусу, в славянском у числительного *пять* и следующих за ним род. имеет флексии *-ихъ* и *-ехъ*; в русском в род. и дат. *шесть* получает форму *шти*, славянским *седмъ, осмъ* соответствуют русские *семь, восемь* (л. 63–63об).

Многочисленные оппозиции указываются при описании местоимений. Эти указания даются как при перечислении исходных форм, так и при описании парадигм.

(36) При перечислении исходных форм устанавливаются следующие соответствия между славянскими и русскими местоимениями: *азъ – я, кто – хто, той – тотъ, кій –*

⁷ В грамматике Собе у прилагательных им.-вин. мн. ж. и ср. рода фиксируется окончание *-иѣ-ыѣ* [Sohier, I: XII, 53–59], тогда как в аналогичных формах м. рода дается флексия *-иѣ-ыѣ*. Это распределение не соответствует реальному узусу начала XVIII в. и представляет собой нормализационное решение. Паус с этим описанием знаком не был, его наблюдения соответствуют языковой практике, а вывод о противопоставленности русского и церковнославянского в данном отношении сделан вполне самостоятельно.

кой, *иже* – *которои*, *чию* – *чей* (л. 91–91об), *кииждо* – *каждои* (л. 94об). Некоторые из этих оппозиций могли быть результатом сопоставления данных Смотрицкого с Лудольфом или Глюком (например, у Смотрицкого *азъ, кто, чии*, у Лудольфа, *а, хто, чей*), однако таким образом не мог бы быть получен весь набор оппозиций. Для ряда оппозиций их квалификация в терминах противопоставления двух языков была явной инновацией, ср., например, исходную форму *той*, совпадающую у Смотрицкого, Лудольфа и Глюка, или местоимения *кто, кию, чии*, дающиеся у Глюка без комментариев [Glück 1994: 257–259]. Похоже, что Паус использовал при этом материалы, полученные при расписывании текстов, ср., например: *будеть которо* судья (л. 92об – видимо, выписано, из Уложения 1649 г., ср. [Уложение X 3, 15, 24]) или *сии въ жизнь вѣчную, а они во укоризну* (л. 92об – Дан. XII, 2).

(37) Ряд оппозиций фиксируется в падежных словоформах личных и возвратного местоимений. Как славянские охарактеризованы краткие энклитические формы *ми, мя, ти, тя, си, ся*, которым противопоставляются русские *мнѣ, меня, тебѣ, тебя, себѣ, себя*. В род.-вин. в качестве противопоставленных указываются формы *мене – меня, тебе – тебя, себе – себя*. Для местоимений *мы* и *вы* в вин. приводятся оппозиции *насъ – slav. ны, васъ – slav. вы* (л. 93). И в этом случае заметны инновации Пауса. Если характеристика энклитических местоимений как славянских отчасти повторяет Глюка (который в этом качестве приводит формы *ты* и *ся* – [Glück 1994: 252]), то для других оппозиций прецедент отсутствует, причем получение их из сопоставления парадигм также не было элементарной операцией [ср. у Лудольфа формы род. *мене, тебе, себе* – [Ludolf 1696: 21–22]].

(38) В склонении прочих местоимений выделяемые оппозиции по большей части повторяют (ввиду частичного или полного тождества флексий) те, которые уже фиксировались в склонении прилагательных и числительных. Так, в парадигме местоимения *самои, самъ* и *онои, онѣ* фиксируются оппозиции в род. ед. м. и ср. рода *самого – R. самова, онаго – R. оново*, род. ед. ж. рода *самыя – R. самой, оныя – R. оной*, вин. ед. м. рода *самого – R. самова*, выводимые из уже известных оппозиций адъективного склонения. К ним добавляются род. мн. *самѣхъ – R. самихъ, онѣхъ – R. оныхъ*, дат. мн. *самѣмъ – R. самымъ, онѣмъ – R. онымъ* (л. 93–93об), которые в принципе могли бы быть получены сопоставлением парадигм Смотрицкого с парадигмами Лудольфа и Глюка.

(39) В парадигме местоимений *онѣ, она, оно* к контрастирующим формам относится род. ед. м. рода *егѡ – R. ево*, род. ед. ж. рода *ея – R. еѣ*, вин. ед. м. рода *его – R. ево*, вин. ед. ж. рода *ю – R. ею* (sic!), вин. мн. *ихъ – S. я* или *ѡ* (л. 93об). В этом случае детали явно обнаруживают работу со Смотрицким и Глюком; на Смотрицкого указывают дубликаты в вин. мн., в этой грамматике распределенные между м. и ср. рода, с одной стороны (*ѡ*), и ж. родом – с другой (*ѡ*) [Смотрицкий 1619: л. М/8–8об; 1648: л. 178–178об; 1721: л. 106–106об]; на Глюка указывает странная форма вин. ед. ж. рода *ею*, т.е. повторяющая Глюка [Glück 1994: 253] ошибка. И в этом случае, впрочем, Паус достаточно оригинален: оппозиция *ея – R. еѣ* никакого прецедента не имеет и возникает, видимо, в результате обработки деловых (приказных) текстов (см. об этой форме в Уложении 1649 г.: [Черных 1953: 326]).

(40) В парадигме местоимений *кто* и *что* противопоставленные формы включают: им. *кто – R. хто*, род. *кого – R. ково*, *чесѡгѡ – R. чевѡ*, вин. *кого – R. ково, что одерчесо – R. чевѡ* (л. 93об–94). Оппозиции практически целиком выводятся из сопоставления Смотрицкого и Лудольфа, единственное новшество – форма вин. *чевѡ* (у Лудольфа и Глюка *что*), которая характеризуется как специфически русская (и, возможно, отражает наблюдения Пауса над разговорным узусом).

(41) В парадигме местоимения *той* в им. мн. для славянского даются различающиеся по родам формы *тии* и *ти, тия* и *ти, тая* и *та*, которые восходят к

Смотрицкому [Смотрицкий 1619: л. Л/6–6об; 1648: л. 167об–168об; 1721: л. 97–98]⁸ и которым противопоставлено русское *тѣ* "per 3 genera". В вин. мн. славянским формам *тыя, ты и тая, та* противостоит русская *тѣхъ*; Паус, видимо, разносит по языкам варианты, приводимые у Глюка [Glück 1994: 255], несколько их модифицируя. В дат. мн. форме *тѣмъ* (зафиксированной и у Лудольфа, и у Глюка) противопоставлена *sl. тымъ*, приводимая Смотрицким [Смотрицкий 1619: л. Л/6–6об; 1648: л. 167об–168об; 1721: л. 97–98]. Сверх того указывается, что "die Rußen brauchen auch *томъ* der- dieser, g. *товъ, той, [...]* Item *етой, ета, ето [...]* An statt *тую* wird gemein ruth. *тою* manchmahl gebraucht, als *тою кабалу [...]*" (л. 94).

В разделе, посвященном наречиям, оппозиции русского и славянского почти не упоминаются в силу ограниченности словоизменительных параметров в этом классе слов.

(42) Тем не менее Паус говорит, что от большинства прилагательных могут быть образованы наречия качества, причем в русском такие наречия оканчиваются на *о* (*ω*), а в славянском на *ѣ* или *о* (*ω*) (л. 143). Эта оппозиция в дальнейшем иллюстрируется такими примерами, как *добрѣ* – *ruth. добрѣ, хорошиѣ, слѣ* – *ruthen. худѣ* (л. 144об). Данное наблюдение прецедента не имеет⁹.

(43) Общая схема степеней сравнения наречий, предлагаемая Паусом, несколько отличается по использованным аффиксам от схемы Смотрицкого, ср. у Пауса: *близки* – *ближѣ* – *ближаишѣ, доволенѣ* – *доволенѣе* – *доволенѣйши* (л. 147) (ср. у Смотрицкого: *крѣпкѣ* – *крѣпчѣе* – *крѣпчайши*) [Смотрицкий 1619: л. X/2; 1648: л. 272об; 1721: л. 187об]) и не находит прямого соответствия в трактовке степеней сравнения прилагательных. Паус не противопоставляет русских и славянских форм в образовании сравнительной степени. Для превосходной степени он говорит, что в славянском здесь используются соответствующее окончание (т.е., видимо, *аишѣ* или *ѣйши*) или добавление *пре*; в русском превосходная степень выражается с помощью *само, гораздѣ, очюнь* (л. 147). Способ моделирования оппозиции напоминает тот, которым Паус пользуется, трактуя прилагательные (см. № 14), однако полного совпадения здесь нет и само введение этого противопоставления остается инновацией Пауса.

(44) Для значительного числа наречий Паус указывает соотносительные славяно-русские пары. К ним относятся: *сездѣ* – *ruth. воть, вездѣ* – *sl. всюду, спереди* – *ruth. напред, камѣ* – *russ. куда, куды, онде, онѣду* – *ruth. туда, туды, горѣ* – *ruth. на верхѣ* (л. 143 об.), *днесѣ* – *ruth. севоднѣ, поздѣ* – *ruth. позднѣ, дондеже* – *ruth. доколѣ, докулѣ, прежде* – *ruth. наперед* (л. 144), *добрѣ* – *ruth. добрѣ, хорошиѣ, слѣ* – *ruthen. худѣ* (л. 144об.), *изустнѣ* – *ruth. словеснѣ, сугубѣ* – *ruth. вдвое, двойнѣ, единоѣ, одинаци* – *ruth. одинажды* (л. 145), *лишиѣ* – *vulg. сълишкомѣ, мнѣ* – *R. мениѣ, чесо* – *R. чево* (л. 146), *кромѣ, развѣ* – *slav. сѣѣне, се* – *R. воть* (л. 146об.). За единичными исключениями все эти оппозиции являются новшеством и отражают работу Пауса с источниками. Не все из них удачны, ср. хотя бы пару *изустнѣ* – *ruth. словеснѣ*, которая вряд ли отражает реальное различие между церковнославянским и русским узусом; очевидна и неполнота этого перечня; однако не вызывает сомнения установка автора на выявление элементов, противопоставляющих два языка.

⁸ В такой трактовке можно, кажется, видеть указание на то, что Паус, как в свое время и Глюк [Glück 1994: 55–59], пользовался московским изданием Смотрицкого 1648 г., а не последующим поликарповским изданием 1721 г. В издании 1721 г. к форме им. мн. м. рода *тѣ* Поликарпов делает примечание "нынѣ не употребляется" [Смотрицкий 1721: л. 97]; Паус никаких подобных оговорок не делает, возможно, именно потому, что не знаком с данным источником.

⁹ Раздел о наречиях изложен Паусом с большой подробностью, тогда как у Лудольфа он занимает всего несколько строк, а у Глюка вообще отсутствует. В качестве параллели к данному наблюдению Пауса можно указать, что Софроний Лихуд, исправляя "Географию генеральную" Б. Варения (перерабатывая ее со "славянского" на "простой русский"), заменяет наречия на -ѣ наречиями на -ω (см. [Живов 1986: 250]).

(45) В трактовке предлогов Паус существенно отходит от Смотрицкого, увеличивая их состав до пятидесяти. В качестве предлогов рассматриваются и приставки, что побуждает Пауса различать (по немецкой модели) отделяемые и неотделяемые предлоги (сочинительные и несочинительные, *separabiles* и *inseparabiles* в его терминологии – л. 148). К несочинительным относятся приставки, которые не могут выступать как предлоги (*воз, низ, раз, пре, вы*). По поводу этих элементов Паус замечает, что славянским *раз* или *рас* соответствуют русские *роз* или *рос* (л. 148), эта приставка "rußisch ist u. in gem. Rede gebraucht wird" (л. 149об – это повторяет наблюдение, сделанное в начале грамматики – см. № 4), что *вы* является русским элементом, и наконец, что *воз* в славянском может употребляться в качестве "отделяемого" предлога. Для последнего случая он приводит два примера, извлеченные им из Библии (*уже воздасть злое воз доброе* – Пр. XVII, 13; *благодать воз благодать* – Ин. I, 16), говорит, что такое употребление – редкость и что в русском в данном значении фигурирует предлог *за* (л. 148об.). И эти наблюдения прецедента не имеют.

(46) Говоря о союзах, Паус отмечает в качестве специфически славянских *аще* и *убо* в составе уступительных, а для условных дает противопоставление *аще wenn* – *guth. ежели бы* (л. 150).

Наиболее контрастно, естественно, различия между славянским и русским выделяются при описании глагола. В "Observationes" 1732 г. Паус писал даже, что "nur müssen slavonischerseits die ungeheure Endungen in den praeteritis und indefinitis wegbleiben, so ist weniger difference unter ihnen beiden" [Winter 1958: 759]. Вообще говоря, славянскую глагольную парадигму Паус заимствует у Смотрицкого, хотя и делает некоторые критические замечания относительно трактовки глагольных категорий в этом своем источнике. Русскую парадигму Паус дает как самостоятельную, указывая при этом, что "die Rußische Conjugation kan aus der Slavonischen sehr leicht erachtet werden" (л. 119). Славянская и русская парадигмы, приводимые по отдельности (лл. 116–120об), различаются как составом категорий, так и набором флексий.

(47) Относительно наклонений Паус утверждает, что в русском имеются только три наклонения: индикатив, императив и инфинитив; конъюнктив, кондиционалис и оптатив как отдельные категории в русском отсутствуют, поскольку не имеют особых флексий и должны рассматриваться вместе с индикативом и императивом. В славянском, однако, выделяются дополнительно молительное (оптатив), сопрягательное (конъюнктив) и подчинительное (субъюнктив) наклонения. Указывая три последних ("славянских") наклонения, Паус следует Смотрицкому [Смотрицкий 1619: л.Н/5об; 1648; л.184об; 1721: л.111об], лишь слегка модифицируя терминологию (*сопрягательное* вместо *сослагательного*), хотя неясно, интерпретирует ли он все эти три категории как реальную принадлежность славянского, отличающую его от русского. Для оптатива он указывает возможность особого окончания *-имъ* во мн. числе, приводя пример *да дѣлаимъ блгое*; эта флексия, однако, может заменяться окончанием *-емъ*, а в остальном оптатив не отличается по окончаниям от индикатива и императива. Скептически относится Паус и к выделению сопрягательного и подчинительного наклонений, поскольку они образуются без особых окончаний с помощью вспомогательного глагола (*быхъ* или *быль*) и правила их образования могут быть даны в синтаксисе (л. 102). В славянских парадигмах, тем не менее, Паус эти наклонения фиксирует. Исключая "лишние" наклонения из русской парадигмы, Паус следует Лудольфу [Ludolf 1696: 28], пересматривая в то же время решение Глюка, который сохраняет в русском спряжении парадигмы конъюнктива [Glück 1994: 101–108].

(48) Различен, как и ожидается, состав временных категорий, которые Паус приписывает славянскому и русскому глаголу. Вообще говоря, Паус выделяет четыре основных времени, общих для русского и славянского: *praesens* (настоящее), *praeteritum imperfectum* (прошлое), *futurum* (будущее) и *indefinitum* (непредельное) (л. 103): *люблю, любихъ или любилъ, возлюблю, возлюбихъ или возлюбилъ*. В славянской парадигме к

ним добавляется *plusquamperfectum* (мимолетное) *любяхъ*, который, по наблюдениям Пауса, употребляется весьма редко и в качестве русского соответствия имеет *люблял*, и образуемый от фреквентативов *perfectum любяхъ*, для которого русским соответствием является *люблял* (л. 103). Хотя соответствия устанавливаются (формальной заменой флексии), в русскую парадигму эти времена не введены (л. 119об); тем самым они оказываются специфической принадлежностью славянского. Решение Пауса не совпадает с тем, что предлагают Лудольф и Глюк. Лудольф ограничивается тремя временами: настоящее, прошедшее и (сложное) будущее; Глюк на уровне грамматической схемы различает перфект, имперфект и плюсквамперфект, но во всех трех прошедших временах приводит одни и те же формы. Четыре основных времени Пауса ближайшим образом напоминают грамматику Максимова [Максимов 1723: 35], хотя вряд ли непосредственно восходят к этому источнику: Максимов также выделяет два прошедших времени (*бихъ* и *побихъ*), соотношенных с настоящим и будущим (*бюю* и *побюю*), однако обозначает их другими, нежели Паус, терминами ("преходящее" и "прешедшее"); если бы Паус зависел от Максимова, естественно было бы ожидать и воспроизведения терминологии. Само по себе решение различать два прошедших времени типа *любилъ* и *возлюбилъ* логически следует из включения в единую глагольную парадигму настоящего (*люблю*) и простого будущего с аугментом (*возлюблю*); такое же решение принимает позднее и Ломоносов. Надо думать, что Паус, так же как Максимов и Поликарпов (в своей "великороссийской" парадигме – [Успенский 1994: 111]), исходит из Смотрицкого, по-разному упрощая его. Поскольку у Пауса, равно как и у Поликарпова, в церковнославянской части схема Смотрицкого сохраняется, это обуславливает различия в наборе времен для русского и церковнославянского¹⁰.

(49) Вместе с тем в русскую парадигму Паус вводит сложное (описательное) будущее со вспомогательными глаголами *стану* или *буду*, которое в славянской парадигме соответствия не находит и в силу этого оказывается особенностью русского языка¹¹. Сложное будущее Паус вводит вслед за Лудольфом [Ludolf 1696: 27] и Глюком [Glück 1994: 267], причем как и у Глюка, и в отличие от Лудольфа, оно выступает у него наряду с простым будущим (образуемым с помощью "прибавления" или аугмента – л.103об), создавая своего рода пару *Futurum I* и *Futurum II*, что предвосхищает трактовку будущего у Ломоносова (ср. о Глюке: [Glück 1994: 97–98]). Паус вслед за Глюком может называть приставку, с помощью которой образуется простое будущее, *nota (futuri)* (л. 115; ср.: [Glück 1994: 267]), что указывает на преемственность.

(50) Поскольку Паус рассматривает основные времена, в том числе претериты, как общие для русского и славянского, различие парадигм в этой основной части сводится к различиям во флексиях. Соответственно Паус указывает, что в претерите "wird slav. x verwandelt in лъ, f. ла, n. ло welches durch alle personen geht" (л. 104).

(51) Последовательно противопоставляются и другие флексии. В специальном примечании (л. 104) указывается, что в презенсе и футуруме во 2 л. ед.ч. славянским

¹⁰Определенные аналогии с построением Пауса могут усматриваться в русских эквивалентах в латинской грамматике Копиевича [Kopiewitz 1700], хотя в силу несистематичности этих эквивалентов невозможно говорить ни о какой-либо модели Копиевича (ср. [Живов 1992: 254–255]), ни о ее использовании Паусом. Два прошедших времени выделяет в своей грамматике и Соје; его модель, однако, не совпадает с моделью Пауса.

¹¹Паус пишет: "Es kan auch circumscribirt werden mit Infinitivo u. Verb. aux. als: *стану* od. *буду брать, вести*" (л.119об). При обсуждении способов образования будущего среди возможных вспомогательных глаголов указывается также *учну* и *имамъ*. Последний определяется как "славянский" и для него дается соответствие "рус. *имѣю*" и приводятся примеры из славянского Евангелия, например, *не имать видѣти смерти* (Ин. VIII, 51 – л.113об). В славянской парадигме, однако, эти формы не фиксируются, т.е. сложное будущее остается приметой русского языка. Для глагола *учну* приводятся примеры из Уложения (гл. 2, ст. 1), например, *будетъ кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслить* (л.113об – [Уложение 1987: 20]), а в последующем говорится, что этот вспомогательный глагол "kommt sehr oft in der Uloschenie vor" (л.135об), что подтверждает специфически русский характер данного образования.

окончаниям *-еши*, *-иши* соответствуют русские *-ешь*, *-ишь*, причем в русском в отличие от славянского окончания *-еишъ*, *-еишъ*, когда они находятся под ударением, произносятся с [о], а не с [е] (ср. № 8). Наблюдение о противопоставленности окончаний 2 л. ед.ч., легко могло быть выведено из сопоставления парадигм Смотрицкого с парадигмами Лудольфа или Глюка. Та же оппозиция устанавливается и Поликарповым как один из моментов, различающих славянскую и "великороссийскую" парадигмы [Успенский 1994: 111]. Наблюдение о произношении [о] под ударением не имеет прецедента.

(52) Здесь же отмечается, что, так же как во 2 л. ед.ч., славянское *и* переходит в русское *ь* в инфинитиве (см. № 7). Это утверждение, хотя оно и параллельно предыдущему, несколько менее тривиально. Действительно, у Лудольфа кодифицированы оба типа форм инфинитива [Ludolf 1696: 29, 31, 32, 39]; аналогично и у Копиевича: [Kopiewitz 1700: 176, 177, 189]), у Глюка в качестве нормативной дается форма на *-ти* [Glück 1994: 113]. На этом фоне решение Пауса выступает как инновация, имеющая, впрочем, некоторые прецеденты: в "Технологии" Федора Поликарпова (1725 г.) "славянские" инфинитивы на *-ти* противопоставлены формам на *-ть* "великороссийского диалекта", хотя в качестве особого правила эта оппозиция не сформулирована (РНБ, НРСК F 1921.60, с. 122–127)¹².

(53) В качестве частой упоминается также замена *и* на *ь* в таких инфинитивах, как *весть*, *плесть*, *течь*, *печь*, *стречь*, *беречь* и т.д. (л. 106), т.е. в тех инфинитивах, в которых *и* стояло под ударением; описание этой замены как факультативной соответствует, видимо, ситуации в живом русском языке первой половины XVIII в. В более ранних грамматиках эта вариативность никак не фиксируется; первым после Пауса ее упоминает лишь Ломоносов (§ 337 – [Ломоносов, IV: 126]).

(54) Апокопа конечного звука вообще трактуется Паусом как характерная черта русского глагола, противопоставляющая его славянскому (л. 152). Наряду с формами инфинитива и 2 лица презенса Паус приводит и формы императива, в которых также отбрасывается конечное *и* (*плюнь*, *покинь*, *всунь* – л. 105об; *подь*, *не плачь*, *скинь*, *поставь*, *рѣжь* – л. 152). Апокопа имеет место и в возвратной частице ("*битись* про *битися*" – л. 152). Оба эти наблюдения у предшественников Пауса отсутствуют.

(55) Описывая образование претеритов в первом спряжении, Паус указывает, что в славянском от нечистых (*impriga*) глаголов они образуются заменой флексии презенса *-у/-ю* на *-охъ* или *-ахъ*; при этом сообщается, что среди тех глаголов, претерит которых образуется с помощью *-охъ*, в русском может апокопироваться согласный последнего слога, как, например, *стерегъ*, *велъ*, *грызъ*, *текъ* (*oder токъ*), *нось* и т.д. (л. 106об; ср. л. 152). И это наблюдение не имеет прецедента¹³.

Фиксация всех этих оппозиций – вместе с разнообразными наблюдениями над синтаксическими отличиями русского и церковнославянского (ср., например, замечание о том, что славянскому двойному винительному в русском соответствует употребление творительного предикативного – л. 188об) – указывает на весьма четкое понимание несходства двух языков¹⁴. Паус вполне эксплицитно противопоставляет русский и церковнославянский, что, однако же, не мешает ему описывать их одновременно. Оценивая совокупность зафиксированных Паусом различий русского и церковносла-

¹²До Пауса оппозицию двух форм инфинитива соотносит с противопоставлением русского и славянского Сойс, в грамматике которого вариант на *-ть* фигурирует в качестве единственного [Sohier, I: 130, 149, 158 и сл.], причем эта оппозиция специально оговаривается [Sohier, I: 130]. Однако, как уже говорилось, Паус не мог быть знаком с этим описанием русского языка.

¹³Паус специально отмечает также, что в русском "in passivo wird *ся* oft in *ца* verwandelt" (л. 104). Наблюдение появилось, видимо, в результате знакомства с деловыми текстами Петровской эпохи или изданиями гражданской печати, в которых такое написание встречается достаточно часто.

¹⁴Стоит заметить, что Паус отмечает даже различия в значении отдельных слов, совпадающих по форме в русском и церковнославянском, ср., например, "гробъ Sl. ein Grab, R. Sarg" (л. 52); "im Slav. господь auch von Menschen gesagt wird, vid. Ioh. XII, 21" (л. 56).

вянского, надо иметь в виду, что для первой половины XVIII в. проблема генетических оппозиций двух языков была новой и никакого готового или само собой разумеющегося решения для нее не имелось. Грамматисту в непосредственном опыте, соотношенном с языковой практикой в целом (т.е. как с устным, так и с письменным употреблением), было дано лишь множество вариативных форм и конструкций, тогда как интерпретация этих вариантов, отнесение их к русскому или "славянскому" была неочевидна и требовала анализа и выработки критериев. При этом сравнительно-исторический критерий, определяющий понятие славянизма в современной русистике (ср. стандартный перечень в книге: [Sachmatov, Shevelov 1960]), филологам XVIII в. был недоступен и, видимо, принципиально чужд. Действительно, он никак не годился для сопоставления вариантов современного им церковнославянского, ассимилировавшего большое число генетических русизмов, с различными вариантами не книжного языка, которые, в свой черед, отнюдь не были полностью свободны от генетических славянизмов. Поэтому, скажем, рассматривая варианты флексии род. ед. м. рода *-аго, -ого, -ово, -ова*, разные филологи могли по-разному распределять их между "славянским" и "русским" (ср., например, у Лудольфа – [Ludolf 1696: 5] – противопоставление Slav. *такого* – Russ. *таково*) или вообще не соотносить их с противопоставлением языков.

В этой ситуации перечень различий, фиксируемых в грамматике Пауса, должен рассматриваться как важная инновация, существенно расширяющая диапазон конфронтации русского и церковнославянского. Паус использует практически все те наблюдения, которые были сделаны его предшественниками – Лудольфом, Глюком и Поликарповым (см. №№ 1, 2, 3, 8, 11, 13, 14, 15, 17, 18, 30, 37, 47, 48, 51)¹⁵. В ряде случаев он использовал (или мог использовать) описания этих грамматических иным способом: сопоставляя данные (парадигмы), приводимые в этих описаниях и интерпретируемые как факты русского языка, с данными (парадигмами) грамматики Смотрицкого, интерпретируемые как факты славянского языка – сопоставление приносило противопоставления (см. №№ 9, 16, 20, 21, 22, 23, 26, 27, 29, 30, 32, 34, 36, 38, 39, 40, 41, 49, 50, 52). Многие различия, однако, были отмечены Паусом впервые; они не упомянуты ни у Лудольфа, ни у Глюка, ни у Соие, ни в "Технологии" Ф. Поликарпова 1725 г. К числу полностью оригинальных инноваций относятся №№ 4, 5, 6, 9, 12, 19, 22, 24, 25, 27, 29, 30 (*ья – ье*), 31, 33, 35, 36, 37, 39 (*ея – еѣ*), 40 (*чево*), 42, 43, 44, 45, 46, 53, 54, 55. Инновации Пауса относятся ко всем уровням языка – фонетике, морфологии, синтаксису и лексике – и охватывают широкий спектр явлений, не соотносившихся ранее с противопоставлением русского и славянского языков.

3. Хотя просьба Пауса напечатать его грамматику была отвергнута и она осталась неопубликованной, его грамматика несомненно была известна академическим филологам 1730-х годов. Адоуров и Шванвитц знали этот текст, поскольку рецензировали его, равно как и Паус, видимо, читал и делал замечания на "Русскую грамматику" ("Compendium Grammaticae Russicae") Шванвитца [Keipert 1992: 216]: речь шла о создании русской грамматики для иностранного читателя, и все опыты написать такую грамматику (включая и очерк 1731 г.) были, как кажется, взаимосвязаны, так что сам вопрос об авторстве отдельных текстов оказывается достаточно запутанным, а в ряде случаев и принципиально не имеющим решения. Это явным образом относится к книге Гренинга [Гренинг 1750], в которой использован и орфографический трактат Адоурова [Успенский 1975], и грамматический очерк русского языка 1731 г. [Адоуров

¹⁵Только в одном случае оппозиция русского и церковнославянского, отмеченная предшественниками Пауса, не воспроизводится в его грамматике. Речь идет о наблюдении Поликарпова, согласно которому в русском языке "не живущих вещей числа единственного на *Ъ* кончащихся имен родительный более употребляется на *У*, а не на *А* яко указъ, указу" [Успенский 1994: 110]. В парадигмах у Пауса второй родительный зафиксирован лишь в одном случае (в парадигме *часть* род. ед. указан как *чаа*, у – *л.51*), однако без всяких комментариев. Отсутствие у Пауса данного наблюдения свидетельствует, надо думать, о его незнании с трактатом Поликарпова.

1731], и морфологические работы М. Шванвитца [Keipert 1988; 1989; 1992: 221–222], и французско-немецкие диалоги из грамматики Ж.Р. де Пеплие, и другие тексты, употреблявшиеся при обучении в Академической гимназии в Петербурге [Keipert 1992: 213–214; Успенский 1992: 106; Keipert 1995]. Не имеет однозначного решения и вопрос об авторстве грамматического очерка 1731 г., обычно приписываемого Адодурову. Об авторстве Адодурова свидетельствует Паус в своих "Observationes" 1732 г. [Winter 1958: 752, 761], однако сопоставление с сохранившимся фрагментом русской грамматики Шванвитца ("Compendium Grammaticae Russicae") говорит о том, что в существенной части "Anfangs-Gründe" представляют собой сокращения и упрощение грамматики Шванвитца [Keipert 1992: 222–223], причем, как это можно будет увидеть и из приводящихся ниже примеров, при составлении были учтены замечания и наблюдения, сделанные красными чернилами на полях труда Шванвитца. Эти замечания и наблюдения, как показывает и их содержание, и почерк, почти наверняка принадлежат Паусу, так что, по крайней мере отчасти, авторство с Адодуровым делит, хотя и невольно, и Паус. Поэтому "Anfangs-Gründe" могут быть названы трудом Адодурова только условно, и мы говорим о них как о его произведении лишь из соображений простоты и нежелания нарушать традицию; то же самое, возможно, относится и к "Компендиуму" Шванвитца, который также мог быть в большей или меньшей степени трудом коллективным.

Надо иметь в виду, что, хотя грамматические опыты конца 1720 – начала 1730-х годов и предназначались для обучения иностранцев, они отнюдь не были лишены нормативной установки – стремления нормализовать употребление русского языка в соответствии с понятиями о правильном "европейском" литературном языке. Поэтому они имеют важное значение для процесса нормализации русского литературного языка и образуют ту традицию, в рамках которой появляется в 1755 г. Российская грамматика Ломоносова. Впоследствии, после смерти Пауса, к его грамматике могли обращаться все те лица, которые занимались описанием и нормализацией русского языка. В самом деле, если судьба белой рукописи грамматики неизвестна, то черновая рукопись после смерти Пауса оказалась в библиотеке Академии, где она и находится по сей день. Это означает, что она в принципе была доступна академическим филологам (например, Тредиаковскому, Гренингу и Ломоносову), так что их знакомство с текстом Пауса можно считать вполне вероятным. Нет сомнений в том, что любое описание русского языка вызывало в этот ранний период живейший интерес в том узком академическом кругу, который был занят преподаванием русского языка, разработкой правил академической типографии, переводами и любой иной филологической работой. Грамматика Пауса была самым обширным трактатом этого рода, и его вряд ли могли проигнорировать, даже если отвергали концепцию построения этой грамматики и методы описания.

Как уже говорилось, одним из наиболее актуальных вопросов в начале 1730-х годов была проблема соотношения русского и церковнославянского. Адодуров в своем грамматическом очерке 1731 г. патетически восклицал: "Allein da nunmehr aller Slavonismus vornehmlich eine solche Art zu decliniren aus der Rußischen Sprache exuliret, und einen greßlichen Laut in denen Ohren derer Heutigen erreget, so wird man auch nicht verdenken können, wenn man solches allhier übergangen und vielmehr dafür der natürlichen Art zu decliniren nachgegangen ist" [Адодуров 1731: 26]. Эта декларация полемична и направлена против "Liebhabern der Slavonischen Redens-Arten" [Там же]; можно думать, что под любителями славянских выражений подразумевается именно Паус. Проблема, однако, была не только в том, чтобы изгнать славянизмы, но – и прежде всего – в том, чтобы обнаружить, где они скрываются. Сколь бы презрительно ни относились Шванвитц и Адодуров к своему старшему коллеге, они не могли не воспользоваться его находками.

Пустить наблюдения Пауса в дело можно было разными способами. Можно было принять эти наблюдения к сведению и исключить из парадигм те формы, которые Паус определил как "славянские". В этих случаях, естественно, преемственность

(Шванвитца и Адодуrowa по отношению к Паусу) остается неочевидной, поскольку ориентиром могло служить не предшествующее описание, а реальный узус (хотя надо помнить, что в 1730-х годах предметом рефлексии оставался узус письменного языка, гетерогенный по своим характеристикам, а заявления о важности разговорного употребления были теоретическими декларациями, имевшими лишь очень ограниченное отношение к реальной языковой практике). Существенно более показательны те случаи, когда Шванвитц или Адодуrow обсуждают противопоставления церковнославянских и русских элементов. В этих случаях – вне зависимости от того, совпадает ли их интерпретация с паусовской или отлична от нее – можно предполагать, что сама постановка вопроса может быть обусловлена тем, что об этих элементах говорит Паус. Отметим, что, кроме грамматики Пауса, Шванвитцу и Адодуrowу была несомненно известна и грамматика Лудольфа. Маловероятно, что им была доступна грамматика Глюка, нет оснований считать, что в числе их источников могла быть "Технология" Поликарпова. Таким образом, традиция, от которой они отталкивались, была представлена именно Лудольфом и Паусом. В качестве общего фона нужно также иметь в виду, что замечания о церковнославянском характере тех или иных элементов отнюдь не были необходимы при изложении русского грамматического материала. Эти элементы можно было просто обойти молчанием. Это ясно видно из того, что в грамматике Гренинга, представляющей собой в морфологическом разделе переработку краткого очерка Адодуrowa (или грамматики Шванвитца – ср. об отношениях между очерком Адодуrowa и грамматикой Гренинга в [Unbegaun 1969: XII–XIV; Успенский 1975: 27–44; Baumann 1980; Keipert 1988; 1989]), все замечания о русскославянских оппозициях опущены.

Интересующие нас комментарии "Anfangs-Gründe" – сверх той антиславянской филиппики, которая цитировалась выше – немногочисленны и производят впечатление случайного набора. В качестве славнизма Адодуrow отмечает:

(а) Дв. число, которое "nur zwei Sachen allein anzeigt, aber in der Rußischen Sprache ist dieser nicht gebräuchlich" [Адодуrow 1731: 13]. Констатация славянского характера дв. числа является общим местом всех предшествующих описаний русского языка, так что Адодуrow мог здесь следовать как Лудольфу, так и Паусу (ср. № 13). Вновь открытая рукопись русской грамматики Шванвитца, написанная в первой половине 1730 г., с полной несомненностью показывает, что составитель грамматического очерка 1731 г. ("Anfangs-Gründe"), рассматривая вопрос о дв. числе, полемизировал с автором маргиналии, находящейся в этой рукописи и принадлежащей, по всей видимости, Паусу. В основном тексте рукописи к описанию ед. и мн. чисел добавлено следующее замечание: "Nota. Man hat zwar auch den *Dualetem*, двойственное, so von zweyen redet, wird aber nur in der *Slavonischen Sprache* und das in geistlichen Büchern gebraucht". Анонимный глоссатор, которого предположительно можно отождествить с Паусом, перечеркнул это замечание красными чернилами и приписал на полях: "Diese *Nota* ist unrichtig gefaßt, und muß folgender gestalt heißen: Die *Slavonier* setzen zwar den *Dualetem* hinzu, im Rußischen aber hat / [6] selbiger nicht anders statt, als nach den *numeralibus* два, три, четыре, und zwar nur in denen *masculinis*, so sich auff *ъ* und *ь* endigen, als два попа, три рва, четыре [...] колодезя oder auch nach dem Wort оба" [Шванвитц 1731: II, 5–6]. Эту глоссу необходимо было процитировать полностью, поскольку в очерке 1731 г. эти замечания подхвачены и оспорены, когда обосновывается положение о том, что "die *Cardinalia* два, три, четыре den *Genitivum Singularem* regieren, als два попа zweene Popen, три колодезя drey Brunnen, четыре лошади vier Pferde" [Адодуrow 1731: 32]. То, что на первый взгляд кажется полемикой с Лудольфом [Ludolf 1696: 13] – не в последнюю очередь из-за примера *два попа* – оказывается на самом деле, как это демонстрирует дословное воспроизведение примеров глоссатора, опровержением именно приведенной выше интерпретации дуалиса: "Hieraus erhellet nun ferner, daß alle diejenigen etwas Menschliches begehen, welche einen *Numerum Dualetem* in der Rußischen Sprache statuiren, maaßen sich solche durch ein übeles

Verständniß der Exempel два попа, три рва, четьре колодезя u.s.w. dazu gar leicht haben können verleiten lassen" [Адогуров 1731: 33]. Этот пассаж служит еще одним доказательством того, что "Compendium Grammaticae Russicae" 1731 г. (русская грамматика Шванвигца) должен рассматриваться как непосредственный источник "Anfangs-Gründe der Russischen Sprache" (грамматического очерка Адогурова); он показывает в то же время, что по крайней мере часть содержащихся в "Компендиуме" глосс написана вполне в духе грамматики Пауса, Паусу же, очевидно, и принадлежит и тем самым демонстрирует дополнительные пути влияния филологических трудов Пауса на формирование академической грамматической традиции. Замечательно в разбираемом пассаже и то обстоятельство, что характерное для "Anfangs-Gründe" отталкивание от церковнославянского приводит здесь к трактовке конструкции *два попа* как определяемой в синхронном плане генитивным управлением числительного *два*; автора явно побуждает к этому стремление по возможности не постулировать для русского никаких форм дв. числа, рассматриваемых как славянизмы.

(б) Славянизмами, по мнению Адогурова, являются и особые формы вокатива, поскольку в русском вокатив и номинатив совпадают: "Der *Vocativus* [ist] in beyden *Numeris* dem *Nominativo* gleich [...]. Ausgenommen in denjenigen Wörtern, die pur Slavonisch, oder in welchen die Russen die Slavonier nachahmen wollen [...], als: пастырю an statt пастырѣ, жено an statt жена, Христе, an statt Христосѣ, Боже an statt Богѣ, человекѣ, an statt человекѣ u.s.w." [Адогуров 1731: 13]. И в этом случае дословно повторяется часть формулировок "Компендиума", в котором после констатации в "общих правилах" для имен принципиального тождества форм номинатива и вокатива упоминаются исключения, а именно "einige Wörter im Slavonischen, welche bey denen Russen usu recipirt sind, als *N.* Господь, *V.* Господи. *N.* Богѣ, *Voc.* Боже. *N.* отецъ, *V.* отче. *N.* читатель, *V.* читателю" [Шванвигц 1731: II, 27; ср. 14]. В глоссе к этому месту дается следующий комментарий: "отецъ vor einen leiblichen Vater genommen *formiret* den *Vocativum similem Nominativo*. Wenn ich aber einen Geistlichen Heiligen Vater pennen will, sage ich отче святыи. читателю ist pur Slavonisch und nicht Rußisch" [Там же]. Выражение *pur Slavonisch* указывает на то, что в "Anfangs-Gründe" переносится в данном случае предложенная глоссатором (Паусом?) классификация: в то время как в основном тексте "Компендиума" наличие особой формы вокатива рассматривается как свойство определенных лексем (а именно церковнославянских слов, укоренившихся в русском благодаря употреблению), в тексте глоссы различаются сферы функционирования одного и того же слова и вокатив тем самым делается элементом стилистики, из чего следует, что "подражание славянам" имеет в русском право на существование.

(в) Далее в качестве славянизма указываются формы дат. ед. мягкой разновидности *а*-склонения с окончанием *-и* вместо *-ѣ*; такие формы, согласно Адогурову, полностью противоречат "гению русского языка" [Адогуров 1731: 15]. Это наблюдение у Лудольфа отсутствует (в каком бы то ни было виде), но находит соответствие в вариантах, приводимых Паусом в парадигмах мягкой разновидности и его пометах к парадигме слова *судія* (см. № 16). Неслучайно, конечно, и в "Компендиуме" именно существительное *судія/судья* снабжается двойной парадигмой, причем *судія* в дат.-местн.ед. получает форму *судии*, тогда как формой дат.-местн.ед. от *судья* становится *судѣ* [Шванвигц 1731: II, 39]. И здесь можно предполагать влияние Пауса на "Компендиум", а "Компендиума", равно как и непосредственно Пауса, на "Anfangs-Gründe".

(г) Говоря об аномальном образовании косвенных падежей от слов *мать* и *дочь*, Адогуров поясняет, что "иррегулярные окончания" обусловлены принадлежностью обоих к славянскому, при том что "in derselben Sprache den *Nominativum* auf матеръ und дщеръ *formiren*" [Адогуров 1731: 23]. Это замечание также может быть соотнесено с наблюдениями Пауса (см. № 27), согласно которому русские формы косвенных падежей "nimt d. *er* an von slav. *дщерь*" (л. 59), тогда как у Лудольфа подобные формы не упоминаются. И в этом случае "Компендиум" может рассматриваться как посредствующее звено между Паусом и "Anfangs-Gründe". В "Компендиуме" в парадигме слова

мать даются формы им.-вин.-зв.ед. *мать* и *матеръ*, дат.-местн.ед. *матери* и *матерѣ*, в тв.ед. *материю* и *матерью* и т.д. [Шванвиц 1731: II, 59]. Аододуров устраняет охарактеризованную Паусом как "ruth." форму дат.ед. на -ѣ, ориентируясь очевидно на то, что *мать* и *дочь* "Slavonische Wörter sind" [Аододуров 1731: 23]. Таким образом и здесь в "Anfangs-Gründe" учитывается постулируемая Паусом языковая соотнесенность вариантов.

(д) Аододуров отмечает "славянское происхождение" слов, в которых "краткому *й* предшествует *і*"; в русском языке это *і* заменяется на *е* (*вѣрѣй* – *воробей*, *Сергій* – *Сергей*) [Там же: 24]. Грамматика Пауса может очевидно считаться источником этого наблюдения (см. № 26); в этом плане показательно, что Аододуров использует тот же самый пример (*вѣрѣй* – *воробей*), что и Паус. О противопоставлении русских и славянских имен собственных Паус не говорит, однако указывает, что *Даріи*, *Григоріи* и т.д. являются славянскими заимствованиями из греческого и склоняются как *жребіи*. Однако *Тимовей*, *Андрей*, *Матвеи* имеют в качестве предпоследней буквы *е* и склоняются как *іерей*. Приводится (без комментариев) и дублетная форма *Мовсіи* – *еи* (л. 58). Аододуров в данном случае продолжает Пауса, однако и здесь следует иметь в виду посредническую роль петербургского "Компендиума". Заслуживает внимания не только то, что в нем заимствованные имена типа *Даріи*, *Андрей*, *Грегориі/Григорей*, *Тимовей*, *Николай* отнесены к четвертому склонению, а в парадигме слова *воробей* употребляются даже гиперкорректные русские формы *воробѣя*, *воробѣю* и т.д., но и то, что источником приводимого в "Anfangs-Gründe" правила, касающегося *й contractum* [Аододуров 1731: 24], является читающаяся в "Компендиуме" глосса, принадлежащая, по всей вероятности, Паусу [Шванвиц 1731: II, 64; иначе: 62].

(е) В им.мн. четвертого склонения Аододуров выделяет формы типа *князіе*, *каменіе*; некоторые, говорит он, предпочитают их формам *князья*, *каменя*, хотя это неправильно и превращает данные слова в славянские, поскольку указанные окончания именно этому языку и принадлежат [Аододуров 1731: 26]. Это наблюдение восходит к Паусу (см. № 22), который указывает те же варианты с той же характеристикой в парадигме слов *князь*, *свидѣтель* и *день*, тогда как форму *каменіе* трактует иначе (л. 57); в последнем случае, видимо, Аододуров пересматривает решение Пауса, хотя общая зависимость трактовки сохраняется. "Компендиум" предвосхищает здесь, как кажется, решение "Anfangs-Gründe", поскольку в им.мн. в нем дается для *князь* только *князья*, для *свидѣтель* только *свидѣтели*, для *день* только *дни* (*камень* не упомянут). Глоссатор (Паус?), дополняя это место, приводит другие формы слова *день* и сверх того замечает: "камень *formiret über dieses noch einen pluralem in forma collectiva als N. каменіе, G. каменей, D. каменіемъ, A. каменіе, Narr. каменіяхъ, Instr. каменьями*" [Шванвиц 1731: II, 60]. Возражение против "славянского" *каменіе*, которое мы находим в "Anfangs-Gründe", в качестве непосредственного подтекста обнаруживает именно эту глоссу, при том даже, что она лишь продолжает те наблюдения, которые Паус делает в своей грамматике.

(ж) В пояснениях к четвертому склонению Аододуров указывает также, что в русском языке не употребляется слово *Господь* во мн. числе; когда такие формы встречаются, они являются славянизмами и по значению и по форме (в русском отсутствует "славянское" значение 'господин') [Аододуров 1731: 27]. Здесь Аододуров несомненно развивает Пауса, который писал о возможности употребления слова *господь* во мн. числе в славянском (см. № 25) и приводил его парадигму (л. 56об), полностью сходную с парадигмой Аододурова для ед. числа, а во мн. числе отличающуюся лишь формами тв. мн. "Компендиум" идет здесь собственным путем. В нем формы мн. числа от слова *Господь*, которое "nach der gemeinen Art einzig und allein Gott den Herrn bedeutet", отнесены к парадигме слова *господин*, поскольку они "von andern ordinairen Herren verstanden", а "das gemeine Wort Господинъ Herr keinen Pluralem hat"; в соответствии с этим в парадигму мн. числа включаются только употребительные в

русском языке формы, а именно *Господа, Господь, Господам, Господъ, Господа, Господами, Господахъ* [Шванвиц 1731: II, 46]. Это решение радикально отличается от того, которое мы находим в "Anfangs-Gründe"; в последнем сочинении поразительным образом (не по недосмотру ли?) дается только "славянская" парадигма ("Nom. und Voc. господѣ, Gen. господѣмъ, Dat. господѣмъ, Acc. господѣ, Instr. господами und господамъ, Nag. господѣхъ" – [Адогуров 1731: 27]), а общепотребительные русские формы оставлены без всякого внимания. Зависимость "Anfangs-Gründe" от Пауса в этом случае очевидна и лишь подчеркивается иной трактовкой "Компендиума".

Таким образом, по крайней мере в четырех случаях (г–ж) в замечаниях о славянизмах в "Anfangs-Gründe" развиваются те наблюдения, которые сделал в своей грамматике Паус, причем нередко линия преемственности проходит через "Компендиум" Шванвица и глоссы, сделанные в нем, по всей видимости, все тем же Паусом. Еще в трех случаях грамматика Пауса могла быть одним из источников рассуждений Адогурова. Если учесть, что всего таких наблюдений в адогуровском очерке десять, важность Пауса для формирования представлений о различиях между русским и церковнославянским в академической грамматической традиции представляется несомненной. Три замечания, оставшиеся неразобранными, хотя и не повторяют паусовских, но могут рассматриваться, по крайней мере отчасти, как сформулированные в полемическом диалоге с Паусом.

(з) По мнению Адогурова, формы сравнительной степени с суффиксом *-иш-* (*честнѣиш – честнѣиши*), являются славянскими, в русском же сравнительная степень прилагательных отсутствует и для сравнения используются "сравнительные наречия" (*умнѣе, богатѣе, дороже*); превосходная степень, на взгляд Адогурова, в церковнославянском и русском совпадает (*честнѣишии*), хотя в русском имеются и другие способы образования превосходной степени, отсутствующие в церковнославянском (присоединением "частиц" *пре-* или *все-* *пречестнѣиш, всечестнѣиш, пречестнѣишии*; присоединением "прилагательного" *самыи: самыи чистѣиш, самыи чистѣишии*; присоединением частицы *наи-*: *наикратчѣишии*) [Адогуров 1731: 11–13]. Сама идея того, что степени сравнения устроены в русском и славянском по-разному, восходит к Лудольфу [Ludolf 1696: 20]. Трактовка "Anfangs-Gründe" отличается, однако, от той, что мы находим в грамматике Пауса, и ближе к тому, что пишет Поликарпов, также полагающий, что в русском отсутствует сравнительная степень прилагательных [Успенский 1994: 110]. Основания такого решения очевидны: невозможность употребления образованного от прилагательного компаратива в функции определения¹⁶.

При всем этом полностью установить линии преемственности тех идей, которые развивал составитель "Anfangs-Gründe", говоря о степенях сравнения в церковнославянском и русском, достаточно трудно. С одной стороны, его трактовка, как мы видели, во многом отличается от той, которую предлагает Паус в своей грамматике (см. № 14), а с другой – почти полностью совпадает с той детальной систематизацией материала, которую приводит глоссатор (Паус ?) в том месте "Компендиума", где описаны степени сравнения – без всякого различия русского и церковнославянского [Шванвиц 1731: II, 22–25; ср.: Keipert 1992: 221]. Уже в этой глоссе говорится о том, что в русском отсутствует настоящая сравнительная степень (и в предикативной функции вместо нее должны употребляться формы наречия), и при этом приводятся не менее трех различных способов образования суперлатива. Если эти замечания действительно принадлежат Паусу (как можно судить по почерку), нужно объяснить,

¹⁶Формулировки Пауса повторяются в наблюдениях о чередовании согласных при образовании суперлатива (*г, д, зк // ж, х // ш*), сопровождаемом изменением суффикса (*-аи-* вместо *-ви-*) (см. [Адогуров 1731: 12; Паус: л.35об], хотя общим источником для них служит Смотрицкий [Смотрицкий 1619: л.В/5–5об; 1648: л.81–82об; 1721: л.21об–22]. К Паусу же восходит, видимо, и перечисление "русских" способов образования суперлатива. Частицы *все-* и *пре-* соответствуют *есѣхъ* в образовании прилагательных и *пре-* в образовании наречий у Пауса (см. № 14, 43 – *пре-*, впрочем, фиксируется и у Смотрицкого), *само* Пауса трансформируется у Адогурова в *самыи*, и к этому многообразию добавляются суперлативы с *наи-*.

почему он дает здесь иную систематизацию, чем в грамматике. Ничто не мешает думать, что Паус с течением времени изменил свою точку зрения; глоссатор (Паус ?) пишет в своих маргиналиях, заполняющих два исписанных тесным почерком столбца, не только о том, что "*Die Doctrin von denen gradibus comparationis ist das allerschwerste Stück der Etymologia*", но также и о том, что он не может похвастаться тем, что "*diese doctrin recht vollkommen begriffen zu haben, ja daß [ihm] desfalls kein Zweifel übergeblieben wäre*" [Шванвиц 1731: II, 22–23]. Таким образом, у него самого в это время еще возникали трудности в данном вопросе. Описание степеней сравнения в "Компендиуме", слишком примитивное и при этом игнорирующее различия между русским и церковнославянским, могло побудить Пауса пересмотреть весь релевантный материал и построить новую концепцию. Если дело обстоит именно так и если Паус при этом исключается из числа авторов "*Anfangs-Gründe*", относящаяся к степеням сравнения глосса представляет собой наиболее вопиющий случай плагиаторского обращения с его вкладом в усовершенствование "Компендиума", и это позволяет яснее, чем прежде (когда была известна лишь полемика о терминах), понять, почему Паус в резких тонах жаловался Академии на то, что его обворовали (ср. [Winter 1958: 754–764]). Как бы ни решался вопрос об авторстве данной глоссы, в любом случае она находится в прямой зависимости от грамматики ("*Anweisung*") Пауса: если, приписывая Паусу появившуюся в 1731 г. классификацию материала, можно, видимо, испытывать некоторые колебания, то нет никаких сомнений в том, что именно он, собрав разнообразные примеры употребления степеней сравнения, а частично также и проведя дифференциацию церковнославянских и русских форм и конструкций, стоял у истоков этой классификации. Таким образом, связь "*Anfangs-Gründe*" с трудами Пауса просматривается достаточно отчетливо и это объясняет развернутость изложения данной темы в очерке 1731 г.

(и) В "*Anfangs-Gründe*" в тв.мн. четвертого склонения в качестве русского окончания указывается -*ями*, ему противостоят славянские окончания -*и* или -*ymi* (имеются в виду формы типа *ученіи* или *ученьми*), которыми обычно пользуются "любители славенских выражений" и по поводу которых Адогуров и выступает со своей декларацией об изгнании славянизмов [Адогуров 1731: 26]. В "Компендиуме" Шванвица старые окончания вообще не фиксируются и не упоминаются [Шванвиц 1731: II, 63]. Здесь Шванвиц и Адогуров вполне оригинальны (если не считать формы *зрѣніями* в не известной им грамматике Глюка [Glück 1994: 185]). У Пауса, следующего здесь за Смотрицким, даются именно те два варианта, против которых ополчается Адогуров (см. л.57об). Не исключено, что именно против Пауса обращена и адогуровская филиппика.

(й) Наконец, приведя иррегулярные контрактированные формы (кратких) прилагательных (*божья, божье воп божій, свѣтель, золь, сыновень воп свѣтлый, зый, сыновній*), Адогуров замечает, что эти славянские прилагательные должны подробно рассматриваться в славянской грамматике, к предмету же его сочинения они не относятся [Адогуров 1731: 28–29]. И в этом случае имеет место, видимо, полемика с Паусом, разбирающим эти прилагательные и указывающим, что они вполне обычны "*in der Slav. Rußischen Sprache*" (л. 61). Паус при этом определяет в качестве синтаксических условий их употребления как предикативную, так и определительную функции (преимущественно с постпозицией определения), ссылается на Лудольфа, у которого говорится о контракции прилагательных в предикативной функции [Ludolf 1696: 20], и приводит примеры из славянской Библии (л. 61–61 об). Адогуров, видимо, все употребления кратких прилагательных рассматривает как черту, свойственную исключительно славянскому. На полемику с Паусом дополнительно указывает, возможно, состав приводимых Адогуровым примеров. Если *божій* и *сыновній* восходят к Смотрицкому [Смотрицкий 1619: И/5об–8об; 1648: л. 140–143 об; 1721: л. 74–77 об], то *зый* может отсылать к дважды приводимому Паусом примеру (л. 61 об, 62): *всякъ золь гъ* (Мф. V, 11).

Этими десятью замечаниями исчерпывается состав обсуждаемых Адодуrowым славянских элементов. Некоторые из этих замечаний (например, *е* и *ж*) имеют весьма специальный характер; не будучи нужны для изложения лингвистического материала, они однозначно указывают на грамматику Пауса как на источник сведений о противопоставлениях русского и церковнославянского. Не во всех случаях Адодуrow с Паусом соглашается, по отдельным моментам он вступает с ним в полемику, но при любых обстоятельствах Паус присутствует как фон. В этом контексте естественно предположить, что наблюдения Пауса сказываются и в тех случаях, когда в "Anfangs-Gründe" никакого обсуждения принимаемых решений нет. Кодифицируя отдельные элементы как русские и отбрасывая противопоставленные им славянские, Адодуrow основывался на тех различиях, которые были отмечены Паусом.

Как и Паус (см. № 17), Адодуrow указывает, что в русском языке у одушевленных существительных вин. мн. совпадает с род. мн. [Адодуrow 1731: 13]. В склонении отсутствует чередование заднеязычных со свистящими (ср. № 18). У Адодуrowа не приводятся и никак не упоминаются флексии дат. мн. и местн. мн. *-омъ* и *-ѣхъ/-ехъ*, хотя в современных ему текстах они встречались; стимулом могло быть определение их как "славянских" у Пауса (см. №№ 20, 21). Приводя формы слова *день*, Адодуrow [Адодуrow 1731: 26] дает для род. ед. только форму *дня*, форма *дни* даже не упомянута, и это опять же может быть объяснено квалификацией последней формы как славянской у Пауса (см. № 22). В местн. ед. четвертого склонения для существительных м. рода Адодуrow последовательно дает *-ѣ*, а не *-и* [там же: 24-25], что согласуется с характеристикой *-и* как славянского у Пауса (см. № 23). В парадигме *царь* дат. ед. *царю* [там же: 25], форма *царевнѣ*, охарактеризованная Паусом как славянская (см. № 24), не упомянута. В парадигмах *мать*, *дочь* род., дат. и местн. ед. дается с флексией *-и* что представляет собой некоторый пересмотр Пауса (см. № 27), однако учитывающий квалификацию род. ед. на *-е* как славнизма.

В склонении прилагательных Адодуrow критически пересматривает решения Пауса, хотя избранная им в качестве примера парадигма *добрый* указывает на преемственность. Адодуrow, естественно, никак не упоминает чередования заднеязычных со свистящими (ср. № 28). Для род. ед. и вин. ед. м. (и ср.) рода даются варианты *доброга* и *доброво* [там же: 30], т.е. флексия *-аго* не интерпретируется как славнизм, как это делает Паус (см. № 29). В род. ед. ж. рода Адодуrow кодифицирует флексию *-ыя*, которую Паус определяет как славянскую (см. № 30). Для им.-вин. мн. ч. Адодуrow дает в качестве вариантов для всех трех родов *-ые* или *-ыя*, отчасти учитывая таким образом наблюдения Пауса (см. № 31). В им. ед. м. рода дается форма *добрый*, тогда как у Пауса здесь появляется специально русский вариант *доброи* (см. № 32). Можно полагать, что, кодифицируя склонение прилагательных, Адодуrow решает игнорировать противопоставление русского и церковнославянского и нормализовать формы, соответствующие книжной письменной традиции.

Аналогичной стратегии следует Адодуrow и при описании числительных. Он указывает, что вместо числительного *одинъ* употребляется и числительное *единъ*, которое в косвенных падежах склоняется как прилагательное на *-ый* [там же: 32]; таким образом, Адодуrow отказывается противопоставлять *одинъ* и *единъ* как русское и славянское, но при этом следует Паусу, у которого краткие формы числительного *единъ* в косвенных падежах выступают как особенность славянского (см. № 33). Для числительного *два* Адодуrow воспроизводит русскую парадигму Пауса; с русской парадигмой Пауса совпадает и адодуrowская парадигма числительного *три* (см. № 34). Для числительных *семь* и *восемь* Адодуrow предусматривает варианты *седмь* и *осмь*, которые он, в отличие от Пауса (см. № 35), не распределяет по языкам (русскому и славянскому).

Сходные моменты преемственности можно обнаружить и в описании местоимений [Адодуrow 1731: 34-37]. Те формы, которые Паус отмечает как славянские, Адодуrow,

как правило, устраняет. Так он поступает с энклитическими местоимениями, род.-вин. *мене, тебе*, род. мн. *самѣхъ* и т.д. (ср. №№ 37, 38). В некоторых случаях он пересматривает решения Пауса, интерпретируя противопоставляемые Паусом элементы как допустимые варианты, например, *его* и *ево*, *кого* и *ково*, *самого* и *само* и т.д. (ср. №№ 38, 39, 40). Какие-то варианты Аодуров исключает, рассматривая их, видимо, как ненормативные, например, *хто* (ср. № 40). Зависимость от Пауса в этом разделе не слишком заметна, однако и здесь, нужно думать, грамматика Пауса выступала как фон, на котором работал Аодуров.

В описании глагола Аодуров, так же как и Паус, а перед ним Лудольф выделяет только три наклонения: индикатив, императив и инфинитив [Аодуров 1731: 38] (ср. № 47). За Лудольфом, а не за Паусом следует Аодуров, определяя состав временных категорий: время подразделяется на настоящее, прошедшее и будущее [там же: 38-30] (ср. № 48). Будущее, однако, может быть как сложным, образуемым с помощью вспомогательных глаголов *буду, стану* или *имѣю*, так и простым, образуемым с помощью частиц *по, на* и других; подобная фиксация двух будущих воспроизводит решение Пауса (см. № 49). Во 2 л. ед. ч. презенса и футурума Аодуров дает исключительно флексии на *-шь* [там же: 40-43], повторяя здесь Лудольфа и Пауса (ср. № 51). Точно так же только в форме на *-ть* дается и инфинитив, что соответствует решению Пауса (см. № 52) и вместе с тем — значимым образом — противоречит употреблению того самого Вейсмана лексикона, в приложении к которому напечатан аодуровский очерк [Brien 1983: 24]¹⁷. Впрочем, Аодуров предусматривает употребление форм на *-ши* и на *-ти*, "wenn solches die Gelegenheit, als in Versen, erfordert" [Аодуров 1731: 44]; этот дополнительный момент накладывается на вариативность, предусмотренную Паусом.

Таким образом, хотя Паус и пишет славяно-русскую грамматику, соединяющую описание русского и церковнославянского, эта грамматика лежит у истоков формирования академической традиции описания русского языка как языка, противопоставленного церковнославянскому. Сама идея описать одновременно русский и церковнославянский связана для Пауса с установлением подробного инвентаря их частных различий, не препятствующих, с его точки зрения, фундаментальному единству этих языков. Следующее поколение академических филологов (Аодуров, Шванвиц, Тредиаковский) исходит из иной общей установки — пуристического устройства славянских элементов из "самодостаточного", на их взгляд, русского языка. Эта установка актуализирует для них параметры генетической противопоставленности русского и церковнославянского и обуславливает их резко отрицательное отношение к синтетическому опыту Пауса. Наряду с этим, однако, та же самая установка побуждает их обращаться к паусовскому инвентарю и рассматривать его как своего рода отправной момент для определения различий русского и церковнославянского. Хотя Шванвиц и Аодуров принимают отнюдь не все решения Пауса и в ряде случаев отказываются считать установленные им оппозиции противопоставлениями

¹⁷ Интересно отметить, что Бакмейстер в своей "Russische Bibliothek" указывает, что употребление инфинитива в Вейсмановом лексиконе не соответствует установившемуся к 1731 г. узусу. Бакмейстер, обосновывая свое мнение, что лексикон был переведен еще в XVII в., отмечает в нем "der russischen Schreibart, die weit älter, als die gegen das J. 1731. allgemein gebräuchliche ist (z. E. *djelari*, nicht *djelazj*; so wie alle andere Infinitiven, immer auf *i*, oder doch höchst selten auf *j* ausgehen)" [Bacmeister 1786: 122]: правописание же вводной части, т.е. "Anfangs-Gründe", характеризуется, по наблюдению Бакмейстера, иным узусом [Там же]. О втором издании Вейсманова лексикона 1782 г. Бакмейстер замечает: "Die alte russische Schreibart der ersten Ausgabe ist hier mit der neuen jetzt allgemeingebräuchlichen verwechselt worden (weswegen denn auch die Infinitiven sich nicht auf *i*, sondern auf *j*, endigen — also nicht *djelari*, sondern *djelazj*)" [Там же: 125]. Хотя наблюдения Бакмейстера над узусом 1720-1730-х годов не вполне соответствуют наблюдаемой в действительности картине, он вполне точно фиксирует происходящую в это время смену норм. Данная инновация, появляющаяся в "Anfangs-Gründe", может быть достаточно определенно связана с разысканиями Пауса и следующего за ним Аодурова.

русских и славянских элементов¹⁸, его инвентарь остается основным пособием для его молодых оппонентов. Понятно, что если описание Пауса может служить руководством в установлении оппозиций русского и славянского, т.е. там, где установки Пауса и его продолжателей радикально расходятся, она тем более способна оказывать влияние на другие аспекты описания русского языка. Таким образом, нам представляется абсолютно неправомерным исключать грамматику Пауса из истории формирования русской грамматической традиции, поскольку без нее эта история оказывается лишенной одного из своих важнейших звеньев, а многие частные понятия и приемы — своих истоков.

4. Как мы видели, отрицательное отношение к грамматике Пауса было обусловлено теоретическими установками академических филологов нового поколения в начале 1730-х годов. Эти установки были порождены перенесением на русскую почву западноевропейских (прежде всего французских) лингвистических моделей. Прилагая эти модели к русской языковой ситуации, филологи начала 1730-х годов интерпретировали церковнославянский как язык, столь же отличающийся от русского, как латынь отличается от итальянского или французского. Реализация этой модели наталкивалась на существенные трудности. С одной стороны, эта модель предполагала ориентацию на образцовое (нормализованное) разговорное употребление (например, речевые навыки двора), для которого в России рассматриваемого периода просто не было эквивалента. С другой стороны, эта модель требовала отнесения всего наличного, присутствовавшего в языковом опыте лингвистического материала к одному из двух языков — русскому или церковнославянскому. Для такого размежевания не было ясных критериев, и все сложившиеся навыки языкового поведения в сфере письменного языка вступали в противоречие с подобными пуристическими требованиями. Наконец, предметом обработки оказывался исключительно "гражданский" язык (русский), противопоставленный "церковному" (церковнославянскому). С точки зрения европейского опыта, это означало создание языка, ограниченного в своем функционировании, т.е. неполноценного, не приспособленного для выражения всего диапазона культурных ценностей общества, как это полагалось "правильному" европейскому литературному языку.

Эти трудности и недостатки обуславливали постепенный пересмотр первоначальных установок. Вряд ли правомерно полагать, как это делает, например, Б.А. Успенский [Успенский 1985; 1994], что смена установок была одномоментным преобразованием и молодой Тредиаковский без всякого перехода превратился в своего антипода — зрелого Тредиаковского. Процесс был эволюционным (как в случае Тредиаковского, ср.: [Алексеев 1982], когда мы можем проследить его этапы, так и в случае других филологов, например, Ломоносова, об эволюции воззрений которого мы почти не располагаем данными) и предполагал постепенный отказ от различных элементов первоначальной установки. Система взглядов, к которой пришли преобразователи

¹⁸ Не исключено, что роль источника для установления оппозиций русского и церковнославянского инвентаря Пауса играл и позднее, при новых пересмотрах соотношения этих языков. Так, например, Ломоносов в своих замечаниях 1746 г. на трактат Тредиаковского об окончаниях прилагательных во множестве пишет: "...Славенский язык от Великороссийскаго ничем столько не разнится, как окончаниями речений. Например, пославенски едйнственныя прилагательныя мужеския именительныя падежи кончатся на *ый* и *ий*, *богатый*, *старый*, *синий*; а повеликороссийски кончатся на *ой* и *ей*, *богатой*, *старшей*, *синей*. Пославенски, сыновѣмъ, дѣлѣмъ, рѣцѣ, мене, нѣхѣмъ, кланяхуся; повеликороссийски, сыновьямъ, дѣламъ, руки, меня, (мы) пили, (они) кланялись. Таким же образом и множественныя прилагательныя мужеския в именительном падеже Славенския разны от Великороссийскихъ" [Ломоносов, IV: 1; Ломоносов, VII²: 83]. Все эти оппозиции так или иначе отмечены у Пауса (см. №№ 18, 20, 31, 32, 50; для противопоставления *сыновѣмъ* — *сыновьямъ* см. специально дд. 50, 51), причем первая из них у Аодурова подвергается реинтерпретации: флексия *-ый* рассматривается как "русская". Ломоносов, следовательно, возвращается к трактовке Пауса минувя Аодурова. Понятно, что подобные мелкие сходства в интерпретации могут возникать независимо друг от друга и сами по себе не доказывают влияния грамматики Пауса на Ломоносова. Однако знакомство Ломоносова с грамматикой Пауса представляется вероятным, так что сознательная или бессознательная преемственность вполне могла иметь место.

русского языка в конце 1740-х—1750-х годах, во многом напоминает те самые декларации Пауса, которые казались им столь однозначными в 1730-е годы. Трудно предположить, что если грамматика Пауса была им известна, данное развитие обошлось без влияния его теоретических построений, тем более что в ряде других теоретических вопросов влияние Пауса прослеживается достаточно отчетливо. Мы имеем в виду паусовскую трактовку категории подвижности (Motion), которой в его грамматике посвящен довольно обширный раздел (гл. 310б-330б), и связанную с этой категорией грамматическую традицию от Шванвитца и Адодурова до Ломоносова [Keipert 1995a], а также морфонологические разделы рассматриваемой грамматики, зависимость от которой просматривается в последующих описаниях чередований [Keipert (в печати)]. Как уже говорилось, после 1735 г. грамматика Пауса была доступна Тредиаковскому, и Ломоносову. В какой степени они этой возможностью воспользовались, требует особого исследования¹⁹, однако, исходя из общих соображений, можно утверждать, что их знакомство с Паусом вполне вероятно и может быть принято в качестве рабочей гипотезы.

Первый элемент исходной установки, от которого отказывается Тредиаковский, — это противопоставление церковнославянского языка как церковного русскому языку как гражданскому. В "Слове о витийстве" 1745 г. Тредиаковский говорит о едином "природном" языке, функционирующем в России, который употребляется в церкви, при дворе, в Сенате, в суде, в разговорах на площади, в комедийных представлениях, в семейном общении [Тредиаковский 1745: 57-59]. В русских условиях единый язык, употребляющийся и в светской, и в церковной сфере необходимо представлял собой какое-то сочетание русского и церковнославянского; противопоставление этих языков, столь важное для Тредиаковского и его единомышленников в начале 1730-х годов, снимается, и возникающее в результате синтетическое образование наделяется полифункциональностью. Паус, как известно, с самого начала придерживался взгляда на русский и церковнославянский как образующие определенное единство или синтез, он обосновывал необходимость изучения славянского одновременно с русским именно тем, что без него останутся непонятными церковные книги, тексты, трактующие "höhen u. geistl. Sachen", равно как ученые и исторические сочинения (л. 3), т.е. функциональными параметрами славянской части славяно-русского единства. Поэтому и вводные замечания он начинал с перечисления функций "rußische slawonische Sprache", которые этот язык выполняет в Российской империи: его употребляют в быту, в канцеляриях, судах и в церкви (л. 5)²⁰. Этот перечень и по своему составу, и по тому теоретическому контексту, в котором он приводится, ближайшим образом напоминает обсуждавшийся выше перечень Тредиаковского. Само по себе это могло бы быть случайным совпадением, однако сходство в описании функционирования "природного" языка обуславливает и сходство в понимании самой его природы. Тождество в переходе от функциональных параметров к структурным слишком значимо, чтобы оказаться случайным.

¹⁹ Укажем, например, что Ломоносов, пересматривая то распределение существительных по склонениям, которое ввел Смотрицкий (и которое сохранено у Лудольфа, Ф. Максимова, Шванвитца, Адодурова и Гренинга), выделяет в особое третье склонение "имена среднего рода кончающиеся на Я" типа *съмля и жеребя* (§ 157 — [Ломоносов, IV: 74]). Единственным предшественником Ломоносова оказывается в этом Паус, у которого в то же по номеру склонение попадают существительные ср. рода, кончающиеся на *я* или *о* и добавляющие слог "im Genit. u. andern Casibus" типа *имя, отроча и словесо* (л. 530б—540б). Ломоносов (§ 207 — [Ломоносов, IV: 92]), так же как и Паус (л. 54 об), специально оговаривает в рамках этого склонения формы мн. числа существительного *дитя*, относя его — опять же в полном единстве с Паусом — к числу имен, "переходящих из одного склонения в другое" [Ломоносов, VII²: 642; ср. Макеева 1961: 102]. Пришел ли Ломоносов к этой классификации самостоятельно или опирался на Пауса, остается не вполне ясным (понятно, что, используя Пауса, он должен был бы устранить существительные типа *словесо*); знакомство с Паусом, однако, кажется очень правдоподобным.

²⁰ В этом же ключе Паус продолжает, указывая, что на "славяно-русском" языке говорят, читают и пишут книги, рукописные сочинения и указы. Простой народ употребляет в разговоре множество духовных формул, восходящих к Библии и потому славянских (л. 5).

Действительно, в 1746 г. Тредиаковский в рассуждении "О множественном прилагательных целых имен окончании" заявляет, отходя от своего прежнего ригоризма, что славянский язык является для "нашего" (русского) "fons atque origo, id omnibus est potissimum, et a qua nostra vix latum digitum, ut ita dicam, recedat" [Ломоносов, IV: прим. 12]. Различия между русским и славянским оказываются поверхностными, тогда как в своем существе два эти языка объявляются тождественными. Таким образом, начав с функциональных параметров, Тредиаковский приходит к тому самому взгляду на соотношение русского и церковнославянского, которого придерживался Паус, к тезису о структурной близости или единстве данных языков.

Этот тезис подробно обсуждается в "Разговоре об орфографии" 1748 г. Тредиаковский пишет здесь о том, что он понимает под единством: "Тот язык не может быть не один с каким другим, который имеет одну во всем распространении своем, природу с тем другим: ибо единство природы в каких вещах и означает, что те вещи одно и тож имеют существо, то есть, что оне одно и тож между собою. А понеже, российский наш язык имеет одну, во всем распространении своем природу с славенским: ибо теж самая в нем имена и глаголы; теж прочие скланяемые, и нескланяемые части; теж склонения имен и спряжения глаголов [...] притом теж предлоги, и теж же падежей требующии; теж надглаголия и с темиж падежами полагающияся; теж союзы; тож самое сочинение не токмо в рассуждении предложения частей, но и что касается до всех правлений; теж правила, и теж самая изъятия; словом, тот же самый дух и одна душа в нашем, которая и в славенском, так что русский наш язык и называется славенороссийский, то есть, российский по народу, а славенский по своей природе" [Тредиаковский 1748: 298—299; Тредиаковский, III: 202—203].

Положение о единстве природы русского и славянского в точности соответствует тому, что писал Паус. Отвечая на вопрос о том, являются ли славянский и русский одним и тем же, он утверждает: "[...] Die rußisch u[nd] Slavonisch Sprache [...] ist einer[ei] wann man sie considerirt 1. nach ihre[n] Elementis u[nd] Buchstaben, 2. nach ihre[m] Stoff [?] u[nd] Grundworten, 3. nach ihre[r] Natur u[nd] Analogie, 4. nach ihren meisten grammaticalischen accidentibus" (л. 5). То, что пишет Тредиаковский, может рассматриваться как экспликация положений, обозначенных Паусом. Как и Паус, он говорит о тождестве элементов (правда, не букв, т.е. звуков, а имен, глаголов, наречий и союзов), о единстве природы, выражающемся в тождестве "распространения", что соответствует грамматическим акциденциям у Пауса, и, наконец, о единстве правил и исключений ("изъятий"), что подразумевает понятие аналогии как оно употреблялось грамматистами XVII—XVIII вв. Таким образом, сходство во взглядах Тредиаковского и Пауса относится не только к общему утверждению о единстве русского и славянского, но и к тому, как понимается это единство.

И Паус, и Тредиаковский, утверждая единство двух языков, одновременно указывают на их частные различия. Согласно Тредиаковскому, "вся разность, которая находится у нашего с славенским, касается токмо, так сказать, до поверхности языка, а не до внутренности, тем что состоит она либо в нововводных словах, как за славенское *ашче*, у нас *ежели*; либо в простейшем выговоре от народа введенном, как вместо *глава*, *голова*, вместо *пити*, *пить*, вместо *млеко*, *молоко*. Но такая разность не мешает нимало, быть нашему языку одним и тем же с славенским" [Тредиаковский 1748: 300; Тредиаковский, III: 203]. Отмечая единство склонений и спряжений, Тредиаковский вместе с тем замечает: "[В]ыключая в нашем, что прошедшия токмо времена инако лицами падают, например *мы были* вместо *быхом*, однако сие не мешает, чтоб и безграматный наш не разумел, что *быхом*, или *бысте*, или *бъша*, не тож значили, что у нас *мы были*, *вы были*, *они были*; И невозможно сказать, чтоб наши спряжения не теж были что и славенския, ддятого что в наших спряжениях, равно как и склонениях, нет двойственного числа, потому что и славенскому оное число есть неприродное, но с греческого от грамматистов выдуманное" [Тредиаковский 1748: 299—300; Тредиаковский, III: 202]. И здесь Тредиаковский в большой степени повторяет

Пауса, который утверждает, что различия между двумя языками возникают в результате "heutige Veränderung" (ср. "нововводные слова") и проходят "nach etl. accidentibus in d. Grammatic". Под категорию такого рода акциденций как раз и подходят окончания прошедших времен и дв. число (ср. №№ 50, 13). Стоит отметить, что о прошедших временах Паус говорит не только в разделе, посвященном глаголу, но и в предпосланном грамматике письме, в котором обсуждается статус русского и церковнославянского. Он пишет здесь, что без изучения славянского нельзя установить различие между тремя претеритами (л. 3), т.е. выделяет простые претериты как одно из основных различий между двумя языками. Как можно видеть, общим для Тредиаковского и Пауса оказывается понимание единства русского и славянского как тождества по природе и различия в отдельных акциденциях. Именно на этой основе построена славяно-русская грамматика Пауса.

Не менее показательно в этом плане, что оба филолога в качестве общепонятного примера такого единства избирают отношения между диалектами. Тредиаковский замечает, что различие в отдельных акциденциях не мешает субстанциональному единству языков, "ибо ложно скажется, что Новгородский язык есть не русский, для того что вне *лони* и *дежа*, за наше *давно*, и *квашия*. Мешалаб она, ежелиб была такая, какая у Латинского с французским, италианским, и гишпанским, для того что сии три языка отменялись от латинского всею природою сочинения, хотя и ясно видимо, что оне произошли от него..." [Тредиаковский 1748: 300; Тредиаковский, III: 203]. Паус проводит точно такую же аналогию, используя, естественно, не пример русских, а пример немецких диалектов. Согласно Паусу, "man kan von den Dialectos betrifft gleiche Unterscheid einiger Maßen abnehmen an der NiederSächsischen u. hochteutschen Sprache u. Sächs od. Niederdeutsch" (л. 5).

Таким образом, у Тредиаковского и Пауса совпадает вся последовательность рассуждения²¹. При том что знакомство Тредиаковского с грамматикой Пауса представляется весьма вероятным, наиболее простым объяснением этого сходства кажется рассмотрение грамматики Пауса в качестве одного из источников лингвистических построений Тредиаковского. Это означает, что грамматика Пауса не только служила важным пособием при формировании академической грамматической традиции в начале 1730-х годов (см. выше), но продолжала определять развитие этой традиции в дальнейшем. Нужно иметь в виду, что взгляды Ломоносова на соотношение русского и церковнославянского очень близки к тем воззрениям Тредиаковского, которые излагались выше. В изложении этой проблемы у Ломоносова (в "Рассуждении о пользе книг церковных") нет, однако, того сходства в последовательности аргументов, которое мы обнаружили у Пауса и Тредиаковского. На формирование воззрений Ломоносова Тредиаковский несомненно повлиял (их полемика по частным вопросам не должна заслонять общность и преемственность их идей). Оказала ли на Ломоносова непосредственное воздействие грамматика Пауса, куда более сомнительно. В любом случае Ломоносов принадлежит той же академической филологической традиции, в образовании которой существенную роль сыграл Паус. Попытке хотя бы предварительно очертить эту роль и была посвящена настоящая статья.

²¹ Существенно отметить, что, утверждая единство русского и церковнославянского, и Паус, и Тредиаковский не отказываются от понятия "употребления" (usage, Gebrauch) как источника языковой нормы. Паус ссылается на "употребление" во многих местах своей грамматики, а в одном случае даже повторяет вожелантскую формулу, говоря о "Tuganney des gemeinen Gebrauchs" (л. 150б — речь идет о том, что в лучше было бы читать с легкой аспирацией, чтобы отличать ее от ф, однако это невозможно, поскольку противоречит "общему употреблению"). Понятие "употребления" в этом случае, очевидно, трансформируется (если в качестве исходного брать usage у Вожела). Подобные трансформации были достаточно распространены в европейской лингвистической литературе конца XVII — первой половины XVIII в. (ср. [Живов 1990: 97—105]). Паус и Тредиаковский оказываются здесь в общей струе.

- [Адогуров В.Е.] 1731 — Anfangs-Gründe der Russischen Sprache // Teutsch-Lateinisch- und Russischen Lexicon... СПб., 1731 (Цит. по кн.: Unbegaun 1969).
- Алексеев А.А. 1982 — Эволюция языковой теории и языковая практика Тредиаковского // Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики. Л., 1982.
- Бабаева Е.Э., Запольская Н.Н. 1993 — Языковой континуум Петровской эпохи: обзор грамматических трактатов первой четверти XVIII в. // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти проф. Г.А. Хабургаева. М., 1993.
- [Байбаков Аполлос] 1794 — Грамматика руководствующая к познанию Славенороссийского языка. Печатана в Типографии Киево-печерския лавры 1794 года.
- Живов В.М. 1986 — Новые материалы для истории перевода "Географии генеральной" Бернарда Варения // ИАН СЛЯ. 1986. № 3.
- Живов В.М. 1990 — Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. М., 1990.
- Живов В.М. 1992 — Из истории русской грамматики: итеративы и имперфективы в структуре глагольной парадигмы // Доломоносковский период русского литературного языка. The Pre-Lomonosov period of the Russian literary language (Материалы конференции на Фагеруде, 20—25 мая 1989 г.). Stockholm, 1992.
- Живов В.М. 1993 — Унификация склонения существительных в косвенных падежах м. числа в памятниках XVII века: характер вариативности и обуславливающие ее факторы // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти проф. Г.А. Хабургаева М., 1993.
- Ломоносов М.В., I—VIII — Сочинения. Т. I—VIII. СПб; М.; Л., 1891—1948.
- Ломоносов М.В., I²—X² — Полное собрание сочинений. Т. I—X. М.; Л., 1950—1959.
- Макеева 1961 — История создания "Российской грамматики" М.В. Ломоносова. М.; Л., 1961.
- [Максимов Федор] 1723 — Грамматика славенская въ кратцѣ собранная въ Грекославенской школѣ также въ великом Новѣ градѣ при домѣ архіерейскомъ. СПб., 1723.
- Материалы АН. — Материалы для истории императорской Академии наук / Под ред. М.И. Сухомлинова. Т. I—X. СПб., 1885—1900.
- Михальчи Д.Е. 1964 — И.В. Паузе и его Славяно-русская грамматика // ИАН СЛЯ. 1964. № 1.
- Михальчи Д.Е. 1968 — Листы белой рукописи "Славяно-русской грамматики" И.В. Паузе // Вопросы грамматики и словообразования. М., 1968.
- Михальчи Д.Е. 1969 — Славяно-русская грамматика Иоганна Вернера Паузе. Автореф. дис. ... док. филол. наук. Л., 1969.
- Михальчи Д.Е. 1969а — Славяно-русская грамматика Иоганна Вернера Паузе: Дис. ... док. филол. наук. Л., 1969.
- Ольховиков В.А. 1985 — Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания. М., 1985.
- Перетц В.Н. 1902 — Историко-литературные исследования и материалы. Т. III: Из истории развития русской поэзии XVIII в. СПб., 1902.
- Смотрицкий М. 1619 — Грамматики славенския правильное синтагма. Потцанием... Мелетия Смотрицкого. В Еве, 1619 (Цит. по изд.: М. Смотрицкий. Грамматика. Київ, 1979).
- Смотрицкий 1648 — [Мелетий Смотрицкий]. Грамматика. М., 1648.
- Смотрицкий 1721 — [Мелетий Смотрицкий]. Грамматика. М., 1721.
- Тредиаковский В.К., I—III — Сочинения. Т. I—III, СПб., 1849.
- Тредиаковский В.К. 1735 — Речь... в Санктпетербургской имп. Академии наук к членам Российского собрания, во время первого оных заседания, марта 14 дня 1735 года. СПб., 1735.
- Тредиаковский В.К. 1745 — Слово о богатом, различном, искусном и несхотевенном витийстве. СПб., 1745.
- Тредиаковский В.К. 1748 — Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем что принадлежит к сей материи. СПб., 1748.
- Тредиаковский В.К. 1935 — Стихотворения. Л., 1935.
- Уложение 1987 — Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии / Под руковод. А.Г. Манькова. Л., 1987.
- Успенский Б.А. 1975 — Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносковский период отечественной русистики. М., 1975.
- Успенский Б.А. 1985 — Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985.

- Успенский Б.А. 1992 — Доломоновские грамматики русского языка (итоги и перспективы) // Доломоновский период русского литературного языка. The Pre-Lomonosov period of the Russian literary language (Материалы конференции на Фагеруде, 20—25 мая 1989 г.) Stockholm, 1992.
- Успенский Б.А. 1994 — Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1994.
- Черных П.Я. 1953 — Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложной книги. М., 1953.
- Шванниц М. 1731 — Compendium grammaticae russicae / БАН, F.N. 250.
- Basmeister H.L. Chr. 1786 — Russische Bibliothek, zur Kenntniß des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Rußland. Bd. X. St. Petersburg, 1786.
- Baumann H. 1980 — Groening und Adodurov // Sprache in Geschichte und Gegenwart. Jena, 1980.
- Brien N. 1983 — Die Weißmannschen Wörterbücher — ein kurzer Vergleich der Erstund Zweitaufgabe // Weismanns Peterburger Lexikon von 1731. (III). Grammatischer Anhang. München, 1983, 23—37.
- Glück J.E. 1994 — Grammatik der russischen Sprache (1704) / Herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von H. Keipert, B. Uspenskij und V. Živov. Böhlau Verlag. Köln; Weimar; Wien, 1994.
- Groening M. 1750 — Российская грамматика. Thet är Grammatica Russica, eller Grindelig Handledning til Ryska Språket. Stockholm, 1750 // Цит. по: Unbegaun, 1969.
- Horbatsch O. 1964 — Die vier Ausgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryckij. Wiesbaden, 1964.
- Keipert H. 1988 — The sources of Michael Groening's Rossijskaja grammatika (Stockholm, 1750) // Oxford Slavonic papers. 1988). V.XXI.
- Keipert H. 1989 — Groening und Schwanwitz // "Прими собрание пестрых глав". Slavistische und slavenkundliche Beiträge für Peter Brang zum 65. Geburtstag. Bern — Frankfurt am Main — N.Y. — P. 1989.
- Keipert H. 1992 — Русская грамматика М. Шванвица 1731 г. (Предварительные замечания о рукописи БАН F.N. 250) // Доломоновский период русского литературного языка. The Pre-Lomonosov period of the Russian literary language (Материалы конференции на Фагеруде, 20—25 мая 1989 г.) Stockholm, 1992.
- Keipert H. 1995 — Michael Groenings "Ryska Talesätt" // Подвиги памяти сътворити. Essays to the memory of Anders Sjöberg / Ed. by P. Ambrosiani, B. Nilsson, L. Steensland. Stockholm, 1995.
- Keipert H. 1995a — Das Problem der Motion in den ältesten Grammatiken des Russischen // The language and verse of Russia. In Honor of D.S. Worth / Ed. by H. Birnbaum and M. Flier. I. M., 1995.
- Keipert H., (в печати) — Рука — ручной — ручаться. Zur Alternationslehre in den Grammatiken des Russischen vor Lomonosov // Сборник статей в честь А.А. Зализняка (в печати).
- Kopiiwicz E. 1700 — Latina Grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis Sclavonico-rosseanae adornata. Studio, atque opera Eliae Kopiiwicz... Amstelodami, 1700.
- Ludolf H.-W. 1696 — Grammatica Russica... Oxonii, 1696 (Цит. по изд.: Oxford, 1959 / Ed. by B.O. Unbegaun).
- Sohier J. I—II — Grammaire et Methode Russes et Françaises 1724. / Факсимильное изд. под ред. и с пред. Б.А. Успенского. München, 1987. Bd. I—II.
- Šachmatov A., Shevelov G.Y. 1960 — Die kirchenslavischen Elemente in der modernen russischen Literatursprache. Wiesbaden, 1960.
- Unbegaun B.O. 1969 — Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts: Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750 mit einer Einleitung von B.O. Unbegaun. München, 1969.
- Winter E. 1958 — Ein Bericht von Johann Werner Paus aus dem Jahre 1732 // ZSI, 1958, Bd. 3. Hf. 5.